

СЛАВА ГЕРОЯМ – ЗАЩИТНИКАМ АЗЕРБАЙДЖАНА!

27.09 – 10.11. 2020г. – Вторая Карабахская война

СЕЙЯД АРАН НАДГРОБИЕ

Роман

... в полумраке рассвета тень у ворот несколько раз качнулась. Семендеру стало не по себе. Нет, он не испугался; все здесь было родным – двор, где он знал каждую пядь земли, село, люди... Он и не думал о вероломстве кого-то из односельчан. Правда, в последнее время мир уже не тот. Уже нельзя, как прежде, со спокойной душой ходить по лугам, полям, долинам и пастбищам, где они всегда гуляли. Теперь там бродили в основном вооруженные гражданские и солдаты. Свои говорили: «Старик, тебе, видать, делать нечего! Что ты здесь потерял?! Разве не видишь, что в паре километров армянское село?! Там не то, что взрослые, малые дети и те вооружены до зубов! Чего доброго, поймашь выпущенную для потехи шальную, а то и прицельную пулю... Тебе что, жить надоело?!»

Соседнее армянское село давно уж стало для них источником постоянной тревоги. Вот ведь что на свете творится... Кумовья, в селе у которых они всю жизнь отдыхали, ели-пили, занимались торговлей, превратились в головорезов. «Ничего себе переобулись...»

Накануне вечером, перед тем, как лечь спать, он, как обычно, запер ворота изнутри, подпер дверь хлева. Он не припоминал ни единого случая воровства в этом селе. Ворота на ночь запирали просто по привычке. Все так делали. Как говорится, береженого Бог бережет. Посторонний никак не мог попасть во двор. А коли так, кто это мог быть? Если это вор, почему не ушел вовремя? Отпереть ворота изнутри было проще простого. Всем известно, что все ворота имеют изнутри либо деревянный, либо железный засов. Неужто, тать замешкался и не успел сделать свое темное дело?! Или Семендер застал его врасплох, и тот, опешив, не смог отпереть ворота и замер на месте... Он невольно потянулся к поясу. Оружия у него, конечно же, не было, но был внушительный тесак. В последнее время, как стало неспокойно, он стал носить его при себе. Пока он присматривался, тень шагнула вперед.

– Я с тобой, отец!

Услышав голос, он немного успокоился и опустил руку. То была его дочь – Минара. Она узнала о том, что отец собирается в Гянджу, к своему армейскому другу – мастеру Агабале. Наверное, услышала вчера вечером, когда он шептался с женой. От нынешних детей ничего не утаишь... Все улавливают на лету. Как говорила покойная Насиба Зейналова, «по губам читают».

Ночью, перед сном, Минара сказала отцу, что решила ехать с ним.

– Нужно сделать достойный Гурбата памятник. Может, на него будет смотреть и возлюбленная моего несчастного брата.

Мать разрыдалась. От подступившего к горлу кома Минара не смогла продолжить.

Он знал, что уж если Минара задумала что-то, никто не в силах ее переубедить. Тем более, если дело касается Гурбата.

Ничего не ответив, он лег и укрылся. Минара восприняла это как согласие.

В мастерской былолюдно. То были родители шехидов, заказывавшие надгробные памятники для своих сыновей.

Мастер Агабала обнялся с Семендером, и они некоторое время простояли так молча. Его сын тоже погиб в Шуше. Он своими руками высек надгробный памятник сыну. Знакомые говорили: «Словно не каменное изваяние, а живой человек стоит перед тобой».

...Хотя до призыва в армию оставалось еще несколько месяцев, Агабала не смог отговорить сына. Микаил недавно окончил школу. Несмотря на все уговоры родных, он не стал подавать документы ни в один из университетов Гянджи. «Сейчас не до образования. Армяне над Гейгёлем. Где гарантия, что завтра они не сунутся в Гянджу? А раз так, отец, что сейчас важнее – учиться или защищать наш город и могилы наших дедов?..»

Отец не смог ничего возразить. «Как же быстро повзрослели, поумнели дети!» Сын был прав. Действительно, какой уж тут университет, когда решается судьба Родины?..

Микаил вместе со своими одноклассниками отправился в военный комиссариат и заявил о желании служить. В военкомате некоторым из них, в том числе и Микаилу, пояснили, что они не подходят по возрасту, но по настоянию молодых людей их заявления были приняты, а сами они отправлены в воинскую часть под Гянджой. После двух месяцев подготовки они вступили в свой первый бой. То ли по неопытности, то ли из рвения, то ли из пылкого чувства патриотизма они ушли далеко вперед. Увидев, что их одноклассник Самир попал под обстрел, Микаил бросился к нему на помощь. Забыв о безопасности, он встал во весь рост под огнем и побежал. И в тот же миг его сразила снайперская пуля... После него был убит и Самир. Оба простились с жизнью с простертыми друг к другу руками... Впоследствии один из сослуживцев проговорился, что Микаил любил сестру Самира...

Минара тоже знала об этом. Она хотела, чтобы надгробие брата было таким же, как надгробие Микаила, но боялась, что отец не сможет толком объяснить и надгробие не будет высечено должным образом. Решила лично поговорить с мастером. Дядя же как-никак. Не раз бывал у них дома...

Появление Минары в цеху сбило с толку мастера. Все смотрели на нее. Видимо, это было неприемлемо. Что здесь понадобилось юной девушке? Это почувствовала и сама Минара, однако возвращаться было поздно.

Мастер и Минару обнял, прижал к груди, как родное дитя. Прослезился. Прижав ее голову к груди, поцеловал в макушку. Он понял, что она неспроста приехала вместе с отцом сюда, где столько мужчин. Поздоровался, как полагается, справился о здоровье, расспросил, как поживают Салахат, Минаввар, Джамал, как мать уживается с ее неотесанным отцом. «Только Нубар могла ужиться с этим сиволапым, ни одна женщина и часу бы не выдержала с ним под одной крышей».

Так он пытался разрядить обстановку и дать девочке высказаться. Не зря же она пришла в цех, где такое сборище мужчин. Все трое улыбнулись, понимая, что он шутит. Сложно было найти более подходящие слова, чтобы сгладить неловкость. «Не смущайся, говори».

Приободренная таким приемом, Минара перешла к сути:

– Дядя Агабала, молю, ради Бога, сделай так, чтобы надгробие Гурбата... получилось... – чуть не сказала «как у твоего сына» – такое, чтобы казалось, видишь живого Гурбата... И гранатомет изобразите... И развернутое письмо... Чтобы слова «Любимая Севда» ясно читались. Я и письмо его принесла с собой, чтобы почерк повторили...

Мастер вновь обнял Минару, прослезился.

– Не беспокойся, доченька, все будет так, как ты сказала.

Наблюдавшие со стороны, осуждающие и отца – больше отца! – и дочь, поняв причину и существующую между ними близость и искренность, уже просили прощения у Бога за свои скверные мысли. Все отводили взоры и спешили удалиться.

В тот же день отец с дочерью воротились в село. Домой добрались после темноты.

Мусеиб заказал надгробие на могилу сына в Гяндже в том же цеху, только другому мастеру. Встретив на сельской дороге Семендера, гнавшего животных к пастищу, он, глядя себе под ноги, тихо сказал:

– Еду в Гянджу, за надгробиями, ты уж не утруждайся... Младшего своего везу с собой, пусть подсобит. Даст Бог, к вечеру вернемся.

– Тяжело тебе будет... – поблагодарил Семендер.

Так и не подняв глаз, полных скорби, Мусеиб ушел, махнув рукой. «Тяжелее мне уж не будет... Теперь мне уж все одно...»

Это было относительно спокойное время. Жизнь шла своим чередом. Десятки тысяч людей еще не были изгнаны из родных краев.

Теплый, мягкий вечер опускался на деревню. Проводящие дни в тяжком труде люди, с напряженными мышцами, затвердевшими, словно камень, ладонями, умываясь родниковой водой в своих дворах, возносили благодарственные молитвы за прожитый и грядущий дни и ждали наступления вечера. Как только они сядут у самоваров, облокотившись на мутаки, и аромат еды из снятых с огня казанов разойдется на всю округу, вызывая волчий аппетит, усталость дня как рукой снимет. Начнутся беседы о том, о сем, за трапезой каждый расскажет, что нового услышал, что принес этот день. В былые времена беседы велись о хлопотах насущных, заботах о сене и кормовых, о том, чей сын по чьей дочери чахнет, как учится сельская молодежь в Баку, Гяндже, России, сколько посылок присылают своим родителям, братьям и сестрам, что присылают в посылках, и т.д. В последнее же время на эти темы словно наложили строгий запрет, обо всем этом никто не заикался.

Повседневные темы совершенно изменились. Сейчас все больше говорили о добровольческих батальонах, об азербайджанской армии, о часто сменяющейся власти, о том, какую нацию открыто поддержала ни на шаг не отходящая от них советская армия, сколько добровольцев вступили в отряды самообороны из того или иного села и т.д... В один из таких вечеров кто-то сказал, мол, вы слышали, солтанлинские купили у Щербака танк?.. Многие вздохнули так, что у остальных кольнуло в сердце.

– Что?!

– Танк купили?!

– Счастливики!

У одного из сельчан при слове «танк» слезы градом покатались из глаз. Другой так причмокнул языком, словно рот был набит вареньем.

Окрестные армянские села были до отказа забиты боеприпасами. В отличие от азербайджанцев, армяне свободно, как в свои дома, входили в воинские части советской армии, за бутылку самогона, баллон вина покупали у них ящиками патроны, гранаты, снаряды. С помощью армянских девушек учились «кататься» на танках, водить их. Добирались до постов азербайджанской армии, батальонов самообороны и собирали важную информацию. Затем, используя эту информацию, совершали быстрые вылазки, диверсии, разрушали фермы и здания государственного значения, электростанции, мельницы, кормовые базы, расположенные в окрестностях села, отравляли пастища, озера, словом, делали все возможное, чтобы выжить отсюда азербайджанцев.

Стемнело. Картинка на экране телевизора была четкой, а не такой размытой, как давеча.

И снова свежий ветерок пронесся через деревню, неся прохладу. Все, от мала до велика, втягивали в легкие этот свежий воздух, который словно холодная родниковая вода омывал нутро.

Воздев руки к небу, люди молились: «О, Всевышний, не лишай нас этой красоты и умиротворения. Не дай нам быть изгнанными с земли наших отцов и дедов, из своих домов. Посрами наших врагов, придай сил нашим солдатам, образумь наших руководителей. Чтобы были заодно, не тянули одеяло на себя, не грызлись ради «кресла», будь оно неладно, и не срамили народ». Иные называли поименно лидеров Народного фронта и молили Всевышнего о согласии между ними.

Народ не мог понять сути большинства происходящих событий. Люди видели, что мир катится в пропасть, времена настали смутные, не осталось ничего от всего того, на чем стоял свет. В частности, люди не понимали частую смену власти в Баку, распри за должность и прочие интриги. «Да разве ж сейчас до кресла?! Вы бы сначала освободили захваченные армянами земли, а потом уже грызлись бы вволю за место под солнцем! Никто у вас ваши кресла не отнимет, нам не сдались ни должности ваши, ни посты! И гибнут, и калечатся наши сыновья! Никто из вас до сих пор и пальца не занозил! Все беды на нас свалились! Образумьтесь же вы наконец! Хватит уже грызться, как свора собак!»

Дни, полные тревоги и напряженности, сменяли друг друга. Уверенность в будущем таяла день ото дня, выгорала, как последние угольки под пеплом, не оставляя надежд на повторное возгорание очага. И поэтому у всех опустились руки. Люди чувствовали себя временными жильцами, арендаторами в своих собственных селах.

Прохладный ветерок все еще дул с гор свежим потоком. На село пока не сыпался град пуль и артиллерийских снарядов, не трещали пулеметы и не лаяли танки. В этой тишине и безмолвии не знакомому с местностью человеку даже в голову не пришло бы, что это фронтовая деревня, расположенная всего в двух километрах от позиций врага. Было бы величайшим грехом посягнуть на эту красоту, стада, спокойно пасущиеся на лугах, на пятнистых и серых пастушьих собак, преданно охранявших дома и имущество своих хозяев, мирно спящую на склоне гор деревню и ее жителей.

Старенький, потрепанный ГАЗ-53, дни напролет снующий вместе с хозяином на долгих грунтовых дорогах, со стоном остановился у ворот Семендера. Мусеиб воротился из Гянджи. Он вышел из машины, открыл настежь ворота, как у себя дома, и носком ботинка пододвинул камни, подперев ими створки ворот, чтобы они не захлопнулись. Он завел машину во двор и спросил, глядя на приближающуюся к нему длинную тень:

– Куда поставлю?

– Прислони к крыльцу.

Семендер, увидев, что отец, сын и водитель собираются выгружать надгробие из машины, поспешил им на помощь.

– Тяжелый! Как же вы его в кузов загрузали?

– Работники цеха подсобили.

– Дай Бог им здоровья!

Выходя со двора, Мусеиб предупредил:

– Я переговорил с мастерами. Завтра в восемь утра будут на кладбище. В половине восьмого я заеду за тобой.

– Хорошо...

Надгробие было завернуто в черный полиэтилен, а поверх полиэтилена в красное свадебное одеяло – его принесла накануне перед отъездом Минара.

Когда Мусеиб уехал, Семендер увидел, что его жена, сын и дочери направляются к надгробию. Он понял: им нужно излить душу, выплакаться. Сказать им, не плачьте, слезы не вернут его, было бы жестоко. «Пускай поплачут, отведут душу», – подумал он, а сам направился к саду, под сень деревьев.

Минара с трудом сняла одеяло с надгробия, рыдая, поцеловала изваяние брата в щеки, глаза, прижалась лицом к шершавому камню, но все не могла успокоиться. Она провела руками по щекам, лбу, носу Гурбата. Что тут говорить, честь и хвала Агабале – брат словно живой стоит.

Минару насилу оторвали от надгробия.

«Видишь, я вернулся». Еще и улыбнулся. Но Минара не увидела этой улыбки. Внутри Гурбата – внутри изваяния – словно что-то оборвалось.

Минара была безутешна. Гурбат был старше нее. Она была младшей из дочерей, а Гурбат – младшим из сыновей. Они были не просто братом и сестрой, но и очень близкими, сердечными друзьями. Гурбат больше, чем кто-либо, потакал всем желаниям Минары, доставал все, что ни пожелает: книги, духи, платки, всякие сладости... Духами, купленными братом в последний раз, она больше не пользовалась, хранила как память о нем – время от времени открывала, вдыхала аромат, вспоминала брата. Потерю брата она ощущала с каждым днем все острее. Казалось, какая-то огромная зияющая пропасть приближается к ней, и этот ужас, это обостряющееся с каждым днем чувство разрушали ее мир и опустошали душу. Намедни, обнимая надгробие брата, она задрожала с головы до пят... Камень был теплым. Ей показалось, что она обняла самого Гурбата. Даже почувствовала его руки на своих плечах. Ей стало не по себе. Обернулась и снова посмотрела на него... Нет, это просто камень.

Запах, лицо, волосы, осанка брата – все было таким же, как в тот день, перед его отправкой в разведку, когда они сначала пошептались, а затем крепко обнялись за домом. «Все запомнила? Сегодня же передай! Я тотчас узнаю. Как только сердце перестанет колотиться, пойму, что ты передала». Глаза Гурбата горели, во рту пересохло от волнения. Он говорил невнятно, сбивчиво, но Минара понимала все недосказанное им. Она не хотела, чтобы брат волновался перед дорогой, часто целовала его в щеки и глаза, приговаривая: «Целую тебя и за Севду». Услышав имя Севды, Гурбат всякий раз словно хмельной прислонился к стене, глаза его блестели, сердце ушаченно колотилось. Минара очень боялась этого состояния Гурбата. Упаси Бог... «Родненький мой, клянусь, вы из деревни не успеете выйти, я прямиком отправлюсь к ним, расцелую ее. А сама скажу так...«Целую тебя за Гурбата».

Гурбат удовлетворенно улыбнулся.

– Спасибо, сестренка, кому бы я излил душу, если бы не ты? – поблагодарил он, погладив ее по волосам... Как сейчас...

...Несмотря на то, что нетерпеливый и раздраженный сигнал машины прозвучал уже в который раз, перед тем, как расстаться, они обнялись в последний раз...

И больше она его не видела...

Мать, сестра и брат тихо плакали. Они не ведали о чувствах Минары. Значит, ей привиделось. Это не ее брат, а просто изваяние из камня. Ну и что, что очень похож. «Хватит уже... Изводишь всех», – разозлилась она на себя.

Члены семьи оплакивали не только Гурбата, но и Минару. Они видели, что это горе больше всех убивало ее.

Словно ее мир обрушился, а она осталась погребенной под обломками. Она никак не могла сбросить с себя этот груз и выйти к свету. Она кричала, стенала, просила о помощи, но никто не отвечал, никто не отзывался.

Минара прислонила голову к крыльцу, словно опустила на дно горя и печали. Горе огнем выжигало ее изнутри и снаружи.

*О, возлюбленный мой брат,
Мой пригожий, статный брат,
Вот бы мне самой погибнуть,
Чем стенать, твердя: «Мой брат!»*

Семендер, забредший в гущу сада, узнал Минару по голосу... Больше всех по брату убивалась она...

Все соседи в округе тоже плакали, только каждый у себя во дворе – беззвучно, безмолвно. Люди не хотели приходить к ним в дом, выражать свои соболезнования, оплакать погибшего и тем самым беречь им душу. И поэтому каждый оплакивал Гурбата у себя дома и проклинал виновников, вопрошая у Всевышнего, где же конец их страданий.

У Семендера заняло сердце от слов дочери, и он, не выдержав, разрыдался.

Домочадцы целовали портрет Гурбата и плакали. Эту фотографию, написав несколько слов на обороте, он подарил возлюбленной. «Если он подарил ей эту фотографию, – так рассуждала Минара, – значит, это его любимая фотография, а значит, именно это его изображение нужно высечь в камне для надгробного памятника». На небольшом постаменте было высечено стихотворение, которое он написал своей возлюбленной. Улыбающийся с фотографии Гурбат разрывал им сердца. «Неужели тебя нет с нами, брат?!»

*Однажды мы уйдем, как будто и не жили,
Но небосвод не прекратит свой бег.
Будь счастлива, люби и будь любима,
Отраднa жизнь мне, если есть в ней ты.*

– И для нас жизнь была прекрасна с тобой, пусть бы я умерла, брат! Что же нам теперь делать, как же жить без тебя?! – Минара, словно задыхаясь, дернула душащий ее воротник кофты; две пуговицы оторвались и упали.

Снова крохотная трещина пролегла внутри изваяния. Гурбат опечаленно смотрел на домочадцев. Ну почему он снова вернулся в этот дом? Разве не мог остаться в Гяндже или, как все, занять место на кладбище? Было бы лучше, если бы Мусеиб отвез его напрямик на кладбище. Так он не огорчил бы брата, сестер и родителей.

На село опустились вечерние сумерки, небо затянуло черными тучами. Забытая всеми еда подгорела на плите, заварка закипела и стекла в трубу самовара, и горьковатый дымок разошелся по двору. Ягнята, телята, буйволята, причмокивая, сосали молоко. Никто не вспомнил, что нужно подоить скотину...

Семендер развел по хлевам животных. Нубар выложила уцелевшую часть обеда собаке, в подгоревшую кастрюлю набрала воды и оставила отмачиваться. Минавар убрала самовар. Не вспоминая о том, что с утра не выпили и глотка воды, они разошлись по дому и легли спать.

«Помоги нам, Всевышний Аллах! На Тебя одного уповаем, – шептал он про себя слова молитвы. – Пусть новый день принесет нам утешение».

Семендер, бормоча под нос, и сам не заметил, как уснул.

Яхья киши облокотился на холмик и погрузился в раздумья, забыв приглядывать за скотиной. Тяжелые раздумья лишили аксакала покоя. Что день грядущий им готовит? Выстоят ли они? Чем все это закончится? Почему наши солдаты не расправятся раз и навсегда с этими армянами? Ишь, как распоясались, сукины дети! Кто стоит за этими гадами?..

Затем, цокнув языком, сам ответил на свой вопрос: «Кто же еще? Советское правительство, кремлевские армяне, Горбачев, его жена Раиса. Не зря же дарили ей бриллианты в Америке!»

От безысходности и уныния он откинулся на траву. Оххх, красота! Как будто море раскинулось у него над головой, и огромную часть этого моря опрокинули на склон горы Тей. Мир утопал в зелени. Ароматы чабреца, зверобоя, розмарина дурманили, но даже в этом умиротворенном состоянии Яхья не мог оставить свои тягостные раздумья.

... Им предстояло играть свадьбу старшего внука, но времена были такие, что они не решались начать приготовления – никто не знал, каким будет следующий день. Некоторые из односельчан ездили в Джебраил и играли свадьбы там, в доме торжеств, но разве можно сравнить их с деревенскими свадьбами... Установка свадебного шатра – сама по себе целый праздник. Перед тем, как установить шатер, собирается молодежь, закапывают жерди, устанавливают лавки, натягивают брезент. Замужние женщины и девицы украшают палатку, выписывают на ковре хлопком приветствие, и всякий раз не обходится без споров по поводу правильного написания этого словосочетания – «Добро пожаловать!» или «Добро пожаловали!», а для уточнения бегут к учителю по литературе Наджафу, который поясняет, что правильно будет «Добро пожаловать!»

Аромат всевозможных вкусных блюд из медных котлов и казанов разносится по округе, люди празднуют с утра до полуночи, гуляют, едят, пьют, и как вы думаете, что?

– Да убери ты с глаз долой эту казенную водку и неси сюда тутовую водку, ту, что гнал Самвел, чтоб ему пропасть, кизилую водку этого тьюфяка Аракела, сладкое, как мед, вино Сирануш. Несите, если у кого-то осталось, имейте совесть, мужики!

В доме торжеств чувствуешь себя скованно и неуютно, как в ресторане. Тесный салон. Ни нормально яллы не станцуешь, ни другие танцы, от души раскинув руки и выставяя ноги. Сколько можно твердить детям, мол, сидите тихо, ведите себя прилично? Дети и «сидеть тихо» – это несовместимые понятия. Бедняжки, как в клетках сидят... Только бы ситуация немного разрядилась, сыграли бы свадьбу и вздохнули бы спокойно... Жизнь непредсказуема. А уж наша нынешняя жизнь тем более.

Когда Яхья киши проснулся, скотины и след простыл. Ругая себя на чем свет стоит, что, задумавшись, забыл о стаде, он побежал вниз по склону с посохом в руке.

Между Агджакендом, где проживали армяне, и азербайджанским селом Сирик издавна было общее пастбище. После того, как стало беспокойно, никто на то пастбище скот не выводил. Обе стороны остерегались, осторожничали. Вот уже долгое время пастбище пустовало. Сочные травы, пышные луга прельщали не то что животных, но и людей. «Ах, какие обильные просторы для животных!.. К вечеру каждая корова дала бы по два ведра молока». Поскольку животные понимали это лучше людей, то ринулись именно туда.

Яхья киши потерял всякую надежду отыскать стадо. Поблизости не было ни души. То было подножие села, час послеполуденный, армяне днем сюда не сунулись бы. Была бы ночь, они засели бы в засаде, как волки. Вероломство-то у них в крови.

Он снова внимательно осмотрел окрестности. Тишина... Ей-богу, кажется, ни души не видать, а животные спокойно, лениво жуют траву. «Будь какая-либо опасность, они бы почуяли. Что с того, что животные? Они все чувствуют. Боже, помоги, рискну я, отправлюсь за ними, может, посчастливится вернуться живым», – подумал он.

Он осторожным шагом направился через заросли травы к животным. Только ему удалось вытолкать нескольких коров к дороге, как вдруг двое мужчин в военной форме выскочили из травы и наставили на него винтовки:

– Шан дыга, не двигаться!

Один из ребят оказался знакомым. И голос знакомый. Ну да, так и есть, это же сын Огана, который в советскую пору был председателем колхоза. Перед свадьбой они пару раз покупали у него тутовую водку.

– Эдик, сынок, это же я, дядя Яхья. Помнишь, три года назад я приезжал к вам покупать бочонок тутовой водки? Ты еще тогда сказал: «Дядя, ты же не пьешь, зачем тебе столько водки?» А я сказал, что беру для гостей сына из Баку и Джебраила. А ты сказал, что у них губа не дура, знают толк в хорошей водке. Помнишь?

Второй, нездешний и, как видно, более полномочный, сердито спросил:

– О чем он говорит?! Знаешь его?

– Да, – сказал Эдик, – это отец Мурвата, сельского лидера Народного фронта.

– Вот как!.. Дорогой товар! Нам пригодится. А ну-ка шагай вперед!

Последние слова он произнес на русском.

Яхья киши смиренно улыбнулся:

– Эдик, ведь мы хлеб-соль делили...Отпустите меня.

Эдик пробубнил под нос:

– Не имею права. Ступай, не упрямясь! Иначе он тебя прямо здесь прикончит!

«Вот тебе на!.. Кажется, дела плохи». Хотя ноги отказывались идти, он смирился с судьбой и побрел впереди них.

Их ждали в старом, с ветхим крыльцом, здании, где некогда была контора председателя колхоза. По дороге бородатый армянин несколько раз говорил по рации. Яхья киши понял, что этот человек сообщает своим о нем.

В кресле председателя сидел мужчина. Он тоже был бородат, но по опрятной одежде, сдержанной манере поведения и речи Яхья киши догадался, что это их главарь. На протяжении всей беседы только он задавал вопросы, делал записи в блокноте и поглядывал на лежащую перед ним карту. Говорил он по-русски.

– Кто такой?

– Меня зовут Яхья. Я из села Сирик, – ответил он по-азербайджански.

Один из стоящих рядом переводил. Яхья киши узнал и его. В прежние дни он работал бригадиром по зерну. Они часто с ним сталкивались. Сейчас же он прикидывался, будто не узнает его.

– Что ты делал на нашей территории?

– Если честно, эти места никто никогда не называл «нашими-вашими». Сколько себя помню, мы всегда жили мирно, по-добрососедски. Это же все азербайджанские села, не так ли?

Как только переводчик сказал это, сидящий в кресле разгневался, прервал на полуслове переводчика и что-то сказал ему. Переводчик поднялся со стула и с размаху ударил Яхья киши кулаком по уху:

– Еще раз ляпнешь ерунду, пристрелят на месте! Еще не известно, чьи это территории – Армении или Азербайджана! Отвечай на вопросы конкретно и по существу!

– ... Скотина моя забрела сюда, я пришел за ней...

– В вашем селе есть солдаты азербайджанской армии?

Яхья киши задумался. Какую позицию ему занять? Не отвечать на их вопросы, обругать их, плюнуть им в лицо и погибнуть смертью храбрых или...?

На столе была раскрыта карта их села. Как на самой карте, так и на ее полях было сделано множество заметок армянским алфавитом. Кажется, информации у них было достаточно. Вдруг ему в голову пришла идея. «А давай-ка я припугну этих гадов. Что бы он ни спросил, буду отвечать, преувеличив все».

– Есть.

– Сколько человек?

– Много. Два дня назад прибыли еще и омовцы.

На самом деле из района приезжал начальник полиции с группой полицейских для изучения ситуации, и к утру они вернулись обратно. Но армяне не видели, как они уезжали. Один из сидящих во главе стола кивнул «хм». Все сходилось.

– Танки есть у вас?

– Один БТР и один БМП (на самом деле не было).

– Снарядов много?

– Было немного. Пару дней назад значительно пополнили запасы.

– А оружия у вас сколько?

– Тоже достаточно... – протянул Яхья киши многозначительно.

Ему задали еще несколько вопросов. На вопросы о настрое людей, запасах провизии, Яхья киши ответил точно так же. Поскольку он говорил спокойно, все обошлось благополучно.

– Уведите его, держите в надежном месте, он нам еще пригодится, – сказал бородатый мужчина, прибывший из Иревана.

Он уже выходил было из комнаты, как вдруг Аветис спросил с ухмылкой, так, что у него заняло сердце.

– Яхья киши, как там «Нива» Мурвата, в сохранности еще? Скажи, чтобы бережно с ней обращался, она мне пригодится.

– Мурват, слава богу, сам еще не помер...

– Когда мы нападём на вас и перережем всех, от мала до велика, Мурвату она уже не понадобится. Все ваше имущество достанется нам. Или он собирается и на том свете гонять по нашему селу на «Ниве» и подмигивать нашим девкам? Нет уж, не видеть вам больше такого!

«Будь ты проклят, Аветис! Ты посмотри, что удумал этот ублюдок! Дай только вернуться живым, уж я заставлю Мурвата вырвать тебе язык!»

Под обрушившимся на спину ударом приклада автомата он ничком повалился на пол. В глазах потемнело. Его выволокли из комнаты, схватив за ноги.

Утром он проснулся от мучившей его жажды. Во рту так пересохло, что он не мог говорить. Спина затекла. От тупой боли чуть ниже шеи перехватывало дыхание, казалось, ему разможили кость рукояткой топора и сделали горячую припарку. Шею и спину так раздуло, что, оборачиваясь направо и налево, он испытывал адские муки. Молодой армянин, вошедший в комнату, – второй, бородатый и вооруженный стоял у двери, – положил перед ним чашку с водой и кусок хлеба с сыром.

– Велели есть. Снова позовут.

Он приблизил чашку к губам. О чем-то подумав, остановился, макнул палец в воду, понюхал, помедлив, осторожно намочил губы, затем попробовал на вкус. Кажется, не отравлена. Сделал один глоток: нет, все нормально, чистая. Сначала он прополоскал рот и горло, затем выпил половину, съел хлеб с сыром и, выпив оставшуюся воду, стал ждать.

На сей раз его отвели в другую комнату. Теперь допрашивали местные. Вопросы были больше бытового характера. Чьи легковые автомобили находятся в селе, у кого сколько осталось скота, кто из жителей переселился в Баку, Гянджу, у кого сколько ковров, телевизоров, холодильников и т.п. Бородатые люди из Иревана, получая неудовлетворяющие их ответы, пинали и оскорбляли Яхью киши. Жители села Агджакеңд остерегались бить его, полагая, что еще не известно, каким будет исход событий: знали, что если победят азербайджанцы, тогда им всем ой как не поздоровится! Они благоразумно думали о будущем, чтобы если фортуна вдруг повернется к ним спиной, они могли сказать, что приехавшие из Иревана не были в их подчинении, и от них порой доставалось и своим.

Яхью киши снова, подталкивая прикладом автомата, отвели в старый колхозный амбар, связали руки за спиной бечевкой и начали пинать. От удара в живот старик согнулся пополам, от боли свело нутро. Он обратился к особо усердствующему Аветису:

– Слушай, Аветис, мы с твоим отцом Артуром пуд хлеба-соли съели! Не будь же ты нелюдем! Я ни в кого не стрелял, никого не убил! Скотина заблудилась, я пришел за ней... Зачем же вы убиваете меня? Будьте же вы людьми!

Аветис ответил по-армянски, хотя очень хорошо знал азербайджанский язык. Приехавшие из Иревана дали твердое указание, в их присутствии с тюрками говорить по-армянски, чтобы не было необходимости в переводе. Вы, мол, много лет живете по соседству, они тоже более-менее знают армянский, так что поймете друг друга.

Аветис остервенело кричал, мешая армянские и азербайджанские слова, выплескивая накопившуюся годами ненависть.

– Турки шандыга! Мы-то люди, это вы – нелюди! всю жизнь вы стояли нам поперек горла! Годами мы пахали на вас, строили вам дома, ремонтировали двери, окна, рыли каналы! Вы прибрали к рукам наших самых красивых девушек, а нам оставалось только смотреть на это! Хватит! Вы стократно, тысячекратно поплатитесь за все унижения, которые мы испытали на протяжении всей истории! Мы больше не одни! Мы не боимся ни вас, ни Турции! История дала нам шанс! Мы должны уничтожить, искоренить вас, чтобы наши будущие поколения могли жить спокойно!

Один из бородачей из Иревана выхватил автомат и хотел было пристрелить Яхью, но Аветис не дал ему сделать этого.

– Я же сказал, его сын – влиятельный человек в деревне. Если узнает, что мы убили его отца, нападут на нас и уничтожат всех! И так давно ищут повода! Не надо их раздражать! Вы что, тюрк не знаете?! Посмотрим, на что будем обменивать.

Яхья киши, почувствовав, что избежал беды, вздохнул с облегчением. «Ну уж нет! Нужно улучшить момент и бежать. Эти изверги могут передумать в любой момент. Погляди, как они изменились! – подумал он. – Ребенок, который каждый раз бежал навстречу и бросался в мои объятия, нынче стал отъявленным бандитом! А ведь любил меня больше своего отца».

Было уже за полдень. Развязать бы руки... Он огляделся вокруг, попытался пошевелить руками, запястья саднили от веревки. Ползком подобрался к двери. Дверь была подперта огромным листом железа и двумя тележками на колесах с кучей металлолома. Он заглянул в щель деревянной двери в поисках кого-нибудь из старых знакомых, чтобы подозвать его и сказать: «Слушай, имей совесть, развяжи меня и отпусти домой», и чуть было глаз не выколол: из щели деревянной двери торчал острый край железа, подпирающего дверь. В темноте он поначалу не увидел его и чуть не лишился глаза. Нижняя часть брови была слегка поцарапана и, кажется, кровоточила. «Черт побери! Хорошо еще уцелел. Бог миловал, видать, за какой-то благой поступок», – подумал он.

Вечерело. Вокруг стояла тишина. С севера надвигался густой туман. Яхья киши прослезился от радости. «Господи, помоги!» – сказал он, поднимаясь на ноги. Он повернулся спиной к двери, нащупал острый конец той самой железяки и стал тереть веревку об него. Ага... похоже, руки постепенно освобождались. Еще немного... еще чуть-чуть... «Боже, хвала Тебе!»

Он осторожно потянул дверь на себя. Дверь открывалась наружу. Желание жить взяло верх. Собравшись с силами, он отодвинул дверь и выскользнул наружу.

Огляделся, прислушался. Стояла такая тишина, что ему показалось, что он оглох. Вокруг не было ни души. Немного подумав, он понял, где находится. Он знал каждый уголок села, ведь он бывал в этих краях чуть ли не каждую неделю. Он осторожно забрался на одну из крыш, сориентировался и, чутко прислушиваясь, двинулся в путь.

Мурват с небольшим отрядом сидел на вершине холма и ждал полного наступления темноты. Во тьме он мог войти в деревню с добровольцами и выяснить, где отец. Он думал либо совершить внезапный набег и спасти отца, либо взять кого-нибудь в плен и предложить обмен. Были и другие варианты. В любом случае перестрелка была неизбежна. Если армяне их увидят, без боя не обойдется.

Рука, коснувшаяся его плеча, отвлекла Мурвата от мыслей:

– Чего тебе?

– Взгляни-ка туда...

Через долину, вдоль реки Чахмак бежала какая-то тень. Мурват повернул бинокль в ее направлении. Сердце чуть не вырвалось из груди:

– Отец!

Его люди, схватив автоматы, заняли позиции. Мурват двинулся в сторону отца. Окликнул его издалека.

– Отец! Это я, Мурват, Мурват...

Яхья киши узнал голос сына и побежал на звук. Расчувствовавшись, бросился к нему в объятия:

– Сынок, Всевышний помиловал, мне удалось сбежать! Эти ублюдки вконец остервенели! Убить хотели! Отчего-то передумали, отложили до завтра.

– Кто там был?

– Много их, и все вооружены! У них один танк. Из Иревана прибыло много боеподачей. Кровавойцы – похлеще местных! Пойдем! Об остальном расскажу дома.

Отряд тоже спустился к ним. Поздравили Мурвата и Яхью киши. Возвращение старика было настоящим чудом. Остаться там и дальше было бессмысленно, и они вернулись в деревню по оврагу.

В приемной начальника районного отдела полиции вокруг печи собралась группа полицейских и несколько гражданских лиц. Не соблюдались уже, как прежде, какие-то правила, очереди, приемные дни и часы. Все прибывшие прямоком входили в приемную начальника. Начальник и сам не особо придавал этому значения. Рашид муаллим был человеком мудрым. Общее горе, проблемы, нехватка оружия породнили всех, упростили отношения.

Люди протягивали руки к печи, разминали пальцы, потирали руки, чуть не прижимая их к раскаленному железу. Гражданские лица прибыли из разных деревень, как и Гурбат, за оружием. Была дана команда «ждать», но это ожидание слишком затягивалось. Алисахиб муаллим из села Солтанлы не выдержал: «Вот что значит заживо убивать... Да придите уже хоть кто-то!..»

Начальник был в одном из отдаленных приграничных районов. Не похоже было, что вернется скоро. Оставалось надеяться на заместителя начальника Вагифа Магеррамова. Но его тоже не было на месте. Алисахиб нервничал, встал, чтобы выйти во двор, и потянулся к дверной ручке, но дверь, как в сказке, отворилась сама. На пороге стоял заместитель начальника. Он был взволнован и возбужден. Как ни старался сдержаться, не смог, голос его задрожал.

– Ребята, поступило сообщение о нападении на милицейский пост в Замзуре! Армяне нагрянули с большими силами! Поторопитесь, срочно выезжаем!

Тут же Алияр, Нураддин, Шикар, Валияддин, Надир, Али, Эльшан, Тофик, Забит и еще несколько молодых людей, недавно поступивших на службу в милицию, выбежали на улицу. Все бросились к автобусу, поджидавшему их во дворе участка. Ввиду неопытности и горячности Магеррамов отстранил от группы новичков:

– Вы погодите собираться. Рано вам еще!

Молодежь запротестовала. Заместитель начальника нахмурился:

– Выполнять приказ!

Ребята словно только очнулись:

– Есть выполнять приказ!

Хоть и неохотно, они вернулись в отделение. Гурбат тихонько подошел к Магеррамову.

– Начальник, разрешите мне ехать.

– Ты кто, сынок?

– Я из села Сирик, меня называют Гурбат-артиллерист.

– А, из отряда Мурвата?

– Да.

– Оружие имеешь?

– Нет, потому я и подошел к вам. Есть у нас одна старая пушка. Из нее один раз выстрелишь, потом целый час нужно ждать, пока остынет. Не годится она. Командир велел мне прийти к вам и попросить от его имени у вас...

Заместитель начальника поморщился.

– Сынок, это не мое личное оружие и не арбузы, чтобы я раздавал его всем подряд. Мы тоже ожидаем сверху и приказа, и оружие...

– Дядя Вагиф, прошу тебя, не отправляй меня назад с пустыми руками. Иначе в деревне я не смогу показаться на глаза ни командиру, ни товарищам. Меня прозовут никчемной раззявой. Заодно и в деле меня испытайте. Я...

Такая искренняя настойчивость юноши смягчила Магеррамова. Он слышал об этом пареньке, и, как он сам сказал, настало время испытать его в деле. Заместитель дал указание провожающему их начальнику отдела снабжения, стоящему рядом:

– Ступай и оформи на имя этого парня гранатомет, который мы давеча взяли у армян в бою. – Затем обернулся к Гурбату и сказал: – Смотри, говорю тебе сразу, если отличишься, унесешь это оружие к себе в село. Иначе...

Гурбат не смог сдержаться и бросился на шею заместителю начальника:

– Спасибо, спасибо, дядя Вагиф! Вот увидите...

Магеррамов сменил тон:

– А ну смирно! Отставить нюни! Это что такое?! Ты где себя возомнил?!

Гурбат вытянулся стрелой. Со слезами на глазах посмотрел на майора милиции. «Боже, я все испортил! Хоть бы не передумал».

К счастью, заместитель начальника не успел передумать – вернулся начальник отдела снабжения с двумя снарядами и гранатометом.

– Ну так что, сдаю, начальник?

– Пусть подпишется и забирает.

Гурбат присел на корточки, раскрыл регистрационный журнал на колене и поставил подпись. Затем, не сводя глаз с Магеррамова, взял оружие и прижал его к груди.

– В автобус! – скомандовал начальник.

Гурбат сорвался с места, как ужаленный. В автобусе все заулыбались.

В беспросветной тьме робко сверкали редкие огоньки Замзура. То были не электрические лампочки, а редкие керосиновые лампы. Беженцы из Иревана, живущие в вечной тревоге, не включали по ночам свет, чтобы не превратиться в легкую мишень. Плохо зная места, где они поселились, люди жили с ощущением крайней беспомощности и неопределенности. Позиции армянских боевиков находились в двух шагах. Пахать, сеять, косить, сажать деревья было немислимо; не было никаких гарантий, что они будут жить здесь еще сколь-нибудь долго.

Автобус, взяв направление, медленно двигался вперед. Все пассажиры были в боевой готовности, пальцы на курках. Каждую секунду поджидала угроза. В любой момент их могли заметить и начать обстреливать. При таком раскладе они должны были ринуться наружу не только через дверь автобуса, но и через задние и боковые окна и начать отстреливаться. Отряд повидал множество таких операций. Магеррамов хорошо знал своих людей. Беспокоил его только Гурбат. Он вспомнил его слова: «Испытайте меня...». «Ну, что ж, испытаем», – подумал он.

Чуть-чуть не доехав до милицейского поста, начальник, о чем-то подумав, оставил автобус.

– Мужики, выходите. Дальше пойдем пешком.

– Почему, начальник?

Хотя это и противоречило военному уставу, в силу того, что все были земляками, односельчанами, порой фамильярные расспросы и разговоры воспринимались нормально. Хотя это и противоречило военному уставу, начальник закрывал на это глаза. Сплоченность народа, всенародное сопротивление общему врагу, соблюдение определенных традиций, уважение к старшим и т.п. порой приносили больше пользы, чем суровые уставные отношения. К тому же вопросы, задаваемые в таких условиях, были необходимы для понимания тактики предстоящего боя. Заместитель начальника объяснил:

– На нашем посту горит свет, но условного знака нет. Его знаем только я, начальник и ребята, бывшие на посту, – последние слова он произнес с нескрываемой печалью. – Кажется, случилось несчастье, ребята погибли...

У всех засадило в груди. Сдавленный стон Надира потряс полицейских: его старший брат дежурил на посту.

– Разделимся на три группы. По центру, впереди пойду я. Со мной пойдут Алияр, Шикар и Гурбат. НаDIR, ты со своим отрядом будешь следовать за нами слева, Валияддин, а ты со своим справа. Я пройду вперед – на десять метров. Затем последуют Алияр, Шикар и Гурбат. Остальные группы в таком же порядке. Дороги могут быть заминированы. Поэтому мы не пойдем ни по главной дороге, ни по грунтовой, что справа. Держимся тропинок. По дороге, что в стороне Джебраила, увидите одинокую грушу, справа... – товарищи закивали. – Там и встретимся. Подберусь поближе, взгляну в бинокль на деревню и наш пост, определюсь с планом и всем сообщу. Сначала узнаем, как дела на нашем посту. А затем поглядим, что там в деревне.

В освобожденном от армян селе Замзур были размещены изгнанные из Армении азербайджанцы. Ни у кого из них не было оружия. Хотя они несколько раз посылали к начальнику просить оружие, обеспечить их оружием не было возможности. В отрядах самообороны на двоих бойцов было одно испорченное ружье, где уж им было обеспечить оружием и беженцев?! В последнее время группировка Ованеса Симоняна вконец распоясалась в этих краях. Боевики прибывали на одном БТР и располагались прямо на вершине холма. Это был проверенный метод, чтобы навести страх на людей. Люди думали, что еще пять-шесть танков стоят позади первого. Завербованные за рубежом наемники вместе с местными армянами-бородачами вторгались в села, грабили, разоряли дома, уводили скот. Пытающихся оказать сопротивление убивали на месте – либо расстреляв, либо проломив голову прикладом автомата.

Банда Ованеса напала на пост со значительными силами. В двухчасовой перестрелке они убили четверых азербайджанских милиционеров, а затем надругались над их телами. Небольшая группа вторглась в деревню и предупредила, что любой, кто выйдет из дома, будет расстрелян на месте. Чтобы не подвергать опасности своих жен и детей, мужчины села попрятали их в подвалах домов, а сами, вооружившись чем попало – вилами, лопатами, – встали наготове, охраняя свою честь: «Только через наш труп...»

Отсутствие оружия ставило этих мужественных людей в унижительное положение – они не могли смотреть в глаза своим женам и детям. Лишь отсутствие оружия делало храбрецов, в одиночку бьющихся против десятка армян, беспомощными перед лицом врага. Не имея возможности выплеснуть эту ярость, они обращали ее внутрь; гнев огненной лавой кипел в их душах. Они предполагали, что перестрелка шла вокруг поста азербайджанской милиции, но не знали о конкретной ситуации, и потому выйти из дома было равносильно игре со смертью. Давеча коза Хамида вышла за ворота, а армяне, приняв ее за человека, изрешетили и животное, и ворота, и тот самый дом. Дорога, ведущая в Замзур, справа от грушевого дерева была заминирована. Проехав еще немного вперед на машине, они неминуемо подорвались бы.

Оставалось еще немало пути до грушевого дерева, как вдруг впереди мелькнул всего на мгновение огонек. Кто-то из армянских боевиков закурил. Вслед за тем кто-то жестко выругался, послышался звук пощечины, кажется, главарь банды влепил ее закурившему.

– Ах, вы, сукины дети! Глянь, какую засаду устроили! Ждали нас не на посту, а далеко впереди – на подъезде в село. Ребята, планы изменились! – немного подумав, он дал распоряжения: – Надир, ты возвращайся обратно. Сообщи следующим за нами, чтобы не приближались к грушевому дереву, армяне устроили там засаду. Пусть ждут моего знака.

Надир на спине соскользнул с пологого холма вниз. Затем Магеррамов подошел к себе Гурбата.

– Ты запомнил, где был огонек?

– Запомнил, дядя Вагиф.

Вагиф скривился. Гурбат почувствовал это по затянувшейся паузе.

– Если сможешь попасть снарядам точно в то место, по возвращении уйдешь домой с гранатометом.

– Родной мой, дядя Вагиф! Не беспокойся, сейчас увидишь!

Майор хотел было одернуть Гурбата, мол, «Не дядя Вагиф, а командир!», но передумал.

– Шикар, как только я скажу «три!», открываем огонь.

Шикар приложил руку к глазам и подправил ножки пулемета. Гурбат стоял в центре. Он поудобнее устроил гранатомет на плече. Магеррамов прижал к груди автомат, прильнул губами к холодному стволу и поцеловал.

Этого внезапного огня армяне не ожидали. Снаряд Гурбата попал прямо в цель. Крики, вопли, ругань раздавались, казалось, прямо возле них.

– Ты ж мой родненький! Ну, все, возвращаться тебе в село с гранатометом!

Армянские боевики быстро пришли в себя и сгруппировались. На них с трех сторон сыпался град из пуль. Они и голов поднять не смели.

– Как же их, сукиных детей, много!

Со стороны дороги не стреляли. С противоположной же стороны – со склонов поток пуль был непрерывным. Минирование дороги подтвердилось. Продвигаться вперед не имело ни смысла, ни пользы. Явно ощущалось численное превосходство врага. Выстрелы слышались совсем рядом. Нужно было отступать. Магеррамов снова отдал распоряжение.

– Спускаемся под скалу над грунтовой дорогой. Если вернемся тем же путем, которым пришли, они увидят нас и откроют огонь. Как только открываете огонь, немедленно меняйте позицию, иначе подстрелят. Чаще меняйте позицию. Шикар, прикрой меня. Я первый, вы за мной! А я буду стрелять поверх ваших голов и прикрывать вас. Да смотрите, не поднимайтесь во весь рост!

Магеррамов осторожно соскользнул вниз. Пулемет Шикара стрекотал без остановки. Голоса армян послышались еще ближе. Магеррамов занял позицию и окликнул:

– Шикар, Гурбат, Алияр, сюда! – сказал он и, подняв автомат повыше, с места, где лежал, опустил обойму.

Все четверо спустились в устье горной реки, текущей под скалой. Вода была ледяной, но им пока было не до этого – слишком велика опасность быть обнаруженными. Главное теперь было выжить, замерзнуть – это пустяки. Армяне расхаживали на скале и не видели их. Спускаться со скалы – опасно. Можно было спуститься по одному, но никому бы этого не хотелось. Каждый из них думал: если азербайджанцы спрятались там, то спускаться туда – верная смерть. Не успеют коснуться ногами земли – получат пулю. Ну а если их там нет, то какой смысл смотреть вниз? Пусть валят к черту. Все думали так, но никто не осмелился сказать об этом вслух. Прояви кто-нибудь инициативу, ему самому велели бы: «Вот ты и спустись, проверь!»

– Не вздумайте шелохнуться, даже если обморозите пальцы! По всплеску воды они прознают, где мы, – предупредил Магеррамов шепотом.

«Интересно, как там Надир, Валияддин и их люди?» Издалека доносились звуки пулеметной очереди. Шел бой, но в каком направлении? Выяснить это было невозможно. Они были далеки от обоих отрядов.

Сначала заныли пальцы ног, затем онемели. Они стояли, прижавшись плечами к влажным стенам скалы, и были похожи на замерзших людей, опирающихся на костыли. Армяне наверху шептались о том, куда они могли подеваться. Единственным местом внизу, куда можно спрятаться, было устье реки, но никто не осмеливался спуститься по скользкому склону, и потому они грызлись между собой, ворча и матерясь, как стая шакалов. Спуститься с крутого, твердого и скользкого склона было невозможно. Осмелившийся спуститься в устье реки, рисковал сорваться со скалы и, искалечившись, стать пищей диких зверей. Однако Вагифа и его отряд это не остановило. Перспектива попасть в плен к армянским головорезам и умереть страшной смертью делала их риск оправданным.

Армяне еще немного постояли на скале, высматривая их, и ушли. Их голоса утихли вдалеке...

Постепенно светлело. Вагиф посмотрел на Алияра и Гурбата. Алияр, как более закаленный, был относительно спокоен. Они с Вагифом прошли множество испытаний. Он мужественно стоял, ничем не выдавая своего состояния. На щеке Гурбата заledenели слезы. Он не плакал. Глаза слезились от холода. Он с улыбкой смотрел на Магеррамова. Вагиф сунул руку в нагрудный карман и вынул серебряную вещицу, похожую на портсигар, какими пользовались старики, медленно отвернул крышку и откинул набок. Гурбат, недоумевая, посмотрел на Алияра. Алияр, слегка подрагивая плечами, тихонько смеялся.

– Вода? – спросил Гурбат. Не сумев найти объяснение смеху Алияра, с удивлением скривил губы: – Как можно пить воду в такую холодину?

Алияр на всякий случай прикрыл рот. «Боже, да он совсем еще дитя!» Он хорошо знал своего командира и эту всегда бывшую при нем 200-граммовую фляжку, наполненную тутовой водкой. В холодную погоду, отправляясь в разведку или в бой, Магеррамов всегда брал ее с собой, и всегда она приходилась кстати.

– Глотни, согрейся, – сказал он, протягивая фляжку Гурбату.

Гурбат не хотел было брать, из уважения к традициям, мол, сначала старшим, но Вагиф настаивал:

– Пей, говорю тебе! Попади она сначала в руки Алияру, там ни капли не останется, а ты закоченеешь здесь. Так что бери, не прибавляй мне забот! Поторопись! Ты что, хочешь замерзнуть и помереть?

Гурбат взял фляжку. Два глотка обожгли ему горло.

– На вот конфету. Рассасывай, не глотай сразу!

Следующий глоток основательно его согрел. Он почувствовал приятное тепло, разливающееся по всему телу. Затем отпил еще несколько глотков. «Ох, как хорошо я согрелся!» Затем сунул в рот наполовину развернутую конфету. Шикара не пришлось просить дважды. Облизнув губы, он сказал:

– Ай, спасибо, командир!

Алияр от конфеты отказался: «Как можно портить такой нектар закуской?!»

Оставшееся допил командир. Конфету, предназначенную для Алияра, сунул в рот. Все немного отогрелись, пришли в себя.

Рассвело. Ориентироваться стало легче. Они точно определили свое местонахождение, а затем осторожно выбрались из устья. Выстрелы вдалеке участились. Армяне бежали. Из района к нашим прибыла подмога, но они не могли активно наступать. Танк отступал, открыв огонь по милиционерам и прикрывая отступающих бородачей. По сути армянские боевики проходили на глазах у Вагифа и его отряда. Можно было немного приблизиться и открыть огонь, но армян все же было больше – если бы атаковали их, пришлось бы вступить в неравный бой. А тут еще и танк. Командир положил руку на плечо Гурбата.

– Давай, дорогой, прояви себя!

– Расстояние слишком велико, дядя Вагиф. Надо немного приблизиться.

– Тогда пошли!

Омоновцы, прибывшие из района, заметили Вагифа и его отряд. Если бы они спугнули бородачей, и те развернулись, чтобы бежать, непременно обнаружили бы их и наверняка никого бы не оставили в живых. Ах, если бы не этот танк...

Увидев, что отряд Вагифа приближается к армянам, омоновцы удивились. «Что они задумали? Если армяне увидят...»

– Эй, кто этот присевший гранатометчик?

– Это Гурбат-артиллерист. Воевал на фронте в Физули. Родом из села Сирик.

– Он что решил, танк подбить? А если промахнется?..

Все замолчали. Командир омоновцев приложил руку к губам. Бойцы на занятых позициях, затаив дыхание, стали выжидать. В этот момент и Гурбат, глубоко вздохнув и установив гранатомет на плече, положил палец на курок в ожидании благоприятного момента. Армяне также заподозрили неладное в странном затишье и начали озираться. Вдруг они увидели гранатомет, нацеленный на танк. Только начали вопить, снаряд вылетел из дула и устремился в цель. Танк загорелся ярким пламенем. Магеррамов кинулся на Гурбата и повалил его наземь. Пули градом свистели у них над головами. Все это не заняло и минуты. Милиционеры и прибывшие на подмогу двинулись на армянских боевиков. Армяне предпочли бежать, чем наступать на трех человек и убить их, потому что так они сами могли угодить в ловушку и погибнуть. То, что танк был подбит, окончательно решило исход боя.

С ночи под грушевым деревом оставалось пять трупов. В суматохе были застрелены еще несколько человек в окрестностях. Всех удивил труп афроамериканца. «Наемник, – произнес сквозь зубы Шикара, – сукин сын!»

На ногах у афроамериканца были новенькие солдатские ботинки с коротким голенищем на высоком каблуке и со стальным носком. Шикара подошел к трупу.

– Чертовски хорошие ботинки, такие носят солдаты НАТО. Это я забираю, – сказал он и снял сапоги с трупа. Он надел их, завязал шнурки, прошелся туда-сюда и попрыгал:

– Ох, какие удобные!

– Вот и трофей, – пошутил кто-то.

Только Шикар хотел ответить, как вдруг послышался крик Надира.

– О, Боже! Брат, мой брат! Что же я матери скажу?! Она отречется от меня!

Надир сам помог устроить брата на работу в милицию.

Магеррамов скомандовал:

– Загрузите тела в машину, на которой прибыли омоновцы. Пусть сначала повезут их, а мы пойдем вслед за ними.

На поле боя осталось много боеприпасов, брошенных врагом. На сей раз в качестве трофеев были взяты шесть автоматов, три гранатомета, два ящика гранат, автоматные обоймы, пулеметные ленты и т.п. А кроме того, множество красивых банок в двух солдатских мешках. Это были различные мясные консервы и салаты в эмалированных банках производства Германии и Франции. Качественный товар. Магеррамов знал, что наемников и иреванских армян постоянно снабжают таким продовольствием. Они и раньше видели эти баночки, когда возвращали села Джеб-раила, оккупированные армянами. Тогда, кроме консервов, среди трофеев были даже кофе и дорогие сигареты... Европейцы весьма неплохо снабжали армян.

Снизу – со стороны села к ним направлялась группа людей. Это были новые жители Замзура – азербайджанские беженцы из Иревана. Первым выступил вперед старик и поприветствовал их. Затем он прочел молитву «Фатиха» за упокой душ усопших. Он огляделся и безошибочно определил, к кому обращаться – подошел к Вагифу Магеррамову и беспомощно развел руками.

– Отныне мы не сможем здесь жить, сынок. Этот выродок Ованес не успокоится, пока не отомстит нам троекратно. Мы всякого повидали на своем веку. Не думайте, что мы говорим так от страха. Будь мы трусами, не смогли бы годами жить с этими упырями бок о бок в постоянной борьбе. И всегда побеждали мы. Кого нам было бояться на своих землях, в своей стране?! А теперь мы безоружны, сынок, и наша храбрость не поможет нам выстоять перед автоматами, пулеметами, танками. Либо дайте нам оружие, чтобы мы могли защищаться, либо вечером присылайте за нами машины, соберемся и отправимся, как говорится, куда ноги, туда и голова. И передайте там, в Баку, беспрестанно грызущимся, проклиная друг друга, собирающим очки за наш счет, чтобы не делали из нас пушечного мяса. Мы с четырех сторон окружены армянами.

Магеррамов растерялся. Увы, все было так, как описал аксакал, и с этим не поспоришь. Банда Ованеса непременно будет мстить. Да, сегодня они заняли пост, но все равно там разместят всего четыре милиционера. Нужно было либо увеличить число людей на посту, либо эвакуировать население.

– Аксакал, я вас понимаю. До темноты я сообщу вам, как мы поступим.

Прибывшие, все так же глядя с беспокойством и отчаянием во взорах, вернулись обратно. Одно они знали точно: им снова предстоит стать беженцами.

Во дворе отделения Магеррамов обнял Гурбата, стоявшего с перевязанной головой (пулей царапнуло) и перепачканным копотью лицом, и сказал:

– Гурбат, я серьезно, давай мы тебя в милицию устроим! Рашид муаллим не будет против. Подробно доложим о твоём сегодняшнем героизме министру, напишем рапорт, получишь звание.

Товарищи по оружию подошли поближе и обступили Гурбата, похлопали по плечу. Этот смуглый деревенский парнишка за один день вырос у всех в глазах. Все уже знали о его давешних метких ударах. Конечно, такой меткий стрелок был бы гордостью каждого отряда. Он, опустив голову, молча слушал Магеррамова, чем крайне удивил столпившихся вокруг него людей. «Что может быть лучше? Чего это Гурбат думает-гадает? И зарплата тебе, и звание... Что ему еще надо?»

– Дядя Вагиф... – весь отряд, да и сам Магеррамов, рассмеялись, услышав это робкое обращение. Вот уж действительно – дитя. Он и впрямь совсем еще ребенок, если все еще не чувствует неуместность подобного обращения к старшему по чину, не осознает важности этого условия военного устава.

– Ты уже два с лишним месяца на службе. Забыл, как положено обращаться к командиру?

– Здесь же все свои. И я же вас знаю...

– Говори, ладно, что хотел сказать.

– Коли вы хотите вознаградить меня... – сказал он, запинаясь, – Бога ради, не сочтите наглостью... Дайте мне и один из трофейных автоматов, и позвольте воротиться в село. Сирик ждет оружия.

Все задумчиво опустили головы. Все знали о ситуации в селе и о том, что люди были почти безоружны. Винтовки были на вес золота. Она бы очень пригодилась сирикам. Нынче оружие в Сирике было жизненно важной ценностью, равной по значимости воздуху, воде и хлебу. По настрою собравшихся Магеррамов увидел, что они не против. Гурбат двумя точнейшими выстрелами сыграл решающую роль в возвращении Замзурского поста, а также в уничтожении танка. Можно было бы поговорить с вышестоящими и решить вопрос на законном основании. Но парнишка смотрит с такой мольбой во взгляде, словно если услышит «нет», упаси Бог, сердце остановится. Нет, нельзя обижать этого отважного парнишку.

– Хорошо, – сказал Магеррамов, – зовите начальника снабжения, оформим все законно.

– Спасибо, дядя Вагиф, родной ты мой! – обнял Гурбат своего нового командира и расцеловал. «Дядя Вагиф» тоже его обнял и поцеловал.

Никто даже не обратил внимания на нарушение военного устава.

Гурбат, как и его сверстники, состоял в батальоне самообороны. У него и прозвище было, и должность: Гурбат-артиллерист! Он был очень метким стрелком. Армяне, как огня, боялись его орудия. Они узнавали его по звуку.

Последняя его встреча с родителями прошла второпях, почти что на бегу. Они собирались в разведку. Командир велел всем перед отправкой в разведку навестить домашних. Ребята с удовольствием согласились. Их привезли в село на грузовой машине. Времени было отпущено час. Все тотчас разбежались по домам.

День медленно клонился к вечеру. Тени разрастались. Поля и сенокосы опустились, а во дворах и домах слышались голоса вернувшихся с работы людей. Уже начали дымить самовары. Котлы стояли на очагах. По всей улице витал смешанный аромат различных блюд.

Первой его заметила Минара.

– Брат вернулся! – крикнула она и побежала навстречу Гурбату. Вслед за ней вышли навстречу Гурбату и остальные домочадцы. Семендера не было дома. Он отправился в сельсовет разузнать новости. Сирикам давно обещали два танка. Вернее, никто не собирался просто так выдать им танки – они должны были скинуться всем селом и купить их в Гяндже у дивизии Щербака. Деньги давно уже были собраны. Эти два танка были необходимы селу, как воздух и вода. На танке гораздо проще спокойно объехать позиции, выявить местонахождение окопов, где скрываются армяне. Правда, и танк могли подбить из гранатомета, но это уже было вопросом везения.

К приходу Гурбата Нубар успела вынуть хлеб из тендира, не то увлеченные встречей и расспросами, они забыли бы о нем, и хлеб подгорел бы.

Все вышли во двор. Гурбат отломил кусок хлеба:

– Ох, как пахнет хлеб! Так пахнет только мамин хлеб.

– Ешь на здоровье, мой родной, мой хороший! – захлопотала вокруг сына Нубар. – Сынок, присядь, не торопись так! Я приготовила чыхыртму из цыпленка, поешь досыта, потом отправляйся.

В это время вернулся Семендер. Гурбат поднялся навстречу отцу. Сначала он поцеловал отцу руку, затем они крепко обнялись и поцеловались. Впоследствии Нубар, вспоминая эти объятия, часто будет говорить:

– Мой несчастный сынок, оказывается, знал!

– Узнал во дворе сельсовета и кинулся домой, чтобы успеть повидаться, – словно извинялся Семендер. – Я слышал, вы в разведку собираетесь?

– Да, отец!

– Будьте осторожны, сынок, будьте осторожны...

В этом селе ни один отец, ни одна мать, ни родственники, ни соседи – никто не увещевал своих детей словами «будь осторожен», «береги себя» и т.п. Все увещевания, наставления, напутствия говорились во множественном числе: «Будьте осторожны, берегите друг друга, позаботьтесь друг о друге». Сын или дочь одного были детьми всех сельчан, и похороны, и свадьбы тоже были общими. Тяжелые времена всех сблизили, давно уже не было никаких «своих-чужих».

Несмотря на то, что Нубар очень настаивала, Гурбат не остался ужинать. Они уединились с Минарой в садике за сараем и долго шептались. Догадавшись, о чем они беседуют, родные решили не мешать брату и сестре.

Дома все знали о том, что у Гурбата есть возлюбленная, и даже знали, чья это дочь, но не подавали виду. Кто знает, как все сложится. На все воля Всевышнего! Главное, чтобы все были живы-здоровы. Поскорее бы закончились война и кровопролитие, думали они, и неважно, чьей бы дочерью она ни была, мы примем ее как свою дочь. В этом селе не может быть плохих девушек, ибо все растили детей, зарабатывая хлеб насущный честным трудом.

Машина, приехавшая за ними, остановилась у ворот. Сослуживцы кричали из кузова: «Эй, Гурбат, скорей, скорей!»

Увидев собранный вокруг тендира свежее испеченный хлеб, они загалдели:

– О, свежий хлеб! Принеси-ка и сыра!

Сестры Гурбата быстренько завернули в скатерть пять-шесть буханок хлеба, Минавар наполнила большую миску сыром «мотал».

У Нубар вдруг защемило сердце. Прислонившись к сараю, она еле удержалась на ногах, думая только о том, чтобы ничем не выдать своего состояния до отъезда Гурбата, не то сын расстроится, уедет обеспокоенным и в разведке будет рассеянным, не приведи Господь, угодит под армянскую пулю. О, Аллах, как же я потом жить буду?!

В магнитофоне одного из солдат исполнитель, словно нарочно, заунывно пел:

*Я – ашуг, свирель поет,
За душу свирель берет,
День придет, и ты заплачешь,
Спросишь: «Где дитя мое?»*

Слова песни заставили сердце Нубар трепетать, как птица. «Бог вам в помощь! Да разве ж можно с такой песней, с такими словами пускаться в дорогу, к тому же в такой опасный путь? Ах, вы, баламуты! Вы-то молодые, вам все нипочем, хоть бы о нас, несчастных, подумали...»

Гурбат сначала передал товарищам узелок с хлебом и сыром, а затем запрыгнул на ходу в кузов. Помахав рукой матери, он крикнул:

– Мама, береги себя! Храни вас Бог!

«Храни вас Бог, сынок! Мы прожили свое, а что вы успели повидать на своем веку? Только началась жизнь ваша, и тут эта проклятая война. В любой момент шальная пуля может оборвать вашу жизнь».

Нубар, подхватив под руки, отвели в дом, а ее состояние списали на материнское беспокойство. Никто не обратил внимания на слова песни. Женщину уложили в постель. Минаввар принесла матери воды и села у ее изголовья.

Прошло два дня с тех пор, как уехали ребята, но от них все еще не было никаких вестей. Они заняли позицию у линии фронта. Работали, в основном, по ночам – прячась в кустах, оврагах, вели наблюдение и, можно сказать, были полностью готовы. Собирались этой ночью хоть немного продвинуться вперед. Сверху было приказано прислать подробную информацию.

Стояла беспросветная тьма. Еще и мороз вдобавок. Все были в шерстяных перчатках, только на командире были лайковые перчатки, которые он привез из Красноярска.

Назим был профессионалом своего дела. Он окончил Фрунзенское военное училище и только приступил к службе, как Ходжалинская трагедия сделала неминуемым и его возвращение на родину. Он был молод, однако пользовался большим уважением не только в селе, но и во всей округе. Когда в эти края приезжали высокопоставленные чиновники, первым делом всегда спрашивали его и подолгу что-то с ним обсуждали. И, расставаясь, обязательно обнимали его, уважительно хлопая по спине. Сельчане никогда не видели, чтобы высокое начальство точно так же обнимало, говорило добрые слова и доверяло кому-то еще. Но солдаты любили своего командира не только поэтому. Он был молод, ему было всего 27 лет, но всем он был дорог, как старший брат. В отряде были мужчины значительно старше него, но все безоговорочно считали его командиром. Перед разведкой они неоднократно повторили пароли, условные знаки, звуки птиц, проверили оружие, уточнили план передвижения и, наконец, разделившись на две группы, разошлись.

Гурбат был в одном отряде с командиром. Следуя по дороге Замзур-Баназор-Херекуль, они вошли в Джебраил. Затем должны были пройти через села Халафли, Татар, Меликли, Галаджыг, Сирик, Исаглы в верхней части Джебраила и, пройдя населенные армянами села Агджакенд и Доланнар, объединиться в селе Хинд Таглар. Дальше уже начинались Губадлы и опустошенный и разоренный Лачин. Казалось, что оставшиеся без хозяев лачинские земли примыкают к Армении. Опустевшие горы и долины погрузились в скорбь. Вокруг, пока хватает глаз, не было видно никаких признаков жизни – только разрушенные дома и разоренные села. При виде некогда многолюдных домов, стоящих без света, очагов без огня, у всех защемило сердце. Мысль о том, что это вероломство, эти зверства не должны остаться безнаказанными, придавала солдатам сил и уверенности.

Отряды объединились в назначенное время. Командир поздравил вторую группу:

– Превосходно! Пока все идет по плану! Как вам известно, отсюда часто совершаются нападения на центры и близлежащие села Губадлы и Джебраила. Нам нужно выяснить, на каких возвышенностях размещена их артиллерия, вернуться и сообщить нашим, чтобы они могли в точности определить координаты и раз и навсегда заглушить огневые точки. Мы должны быть предельно осторожны! Продвигаться будем точно так же, двумя группами: мы слева, вы справа.

Армяне уже заметили обе группы в прибор ночного видения. Они подпустили их еще ближе, чтобы узнать их цели. Когда они приблизились на расстояние огня, над их головами словно гром прогремел.

И тотчас снаряды и пули градом посыпались с неба. Ситуация усугублялась тем, что территория освещалась прожекторами. Спрятаться было невозможно. Группа справа выступила на открытую местность, их положение было более удручающим. Они попали в засаду. Командир разобрался в ситуации и скомандовал:

– Возвращаемся тем же путем, что пришли! Встречаемся в Сарытепе!

Вдруг кто-то вскрикнул:

– Ах, мама, в груди жжет огнем!

Это был Ильгар – сын Мусеиба. Держась за грудь, он бился в высокой траве, как подбитая птица. Алая кровь, сочащаяся сквозь его пальцы, стекала на зеленую траву. Его дыхание тяжелело, он стонал и тихо звал мать. Затем, забившись в конвульсиях, уткнулся в траву, вонзил пальцы в землю и сжал ее в кулаках вместе с травой... Затем замер. «О, Боже, что мы скажем его матери?!»

С другой стороны послышался крик:

– Командир, прикройте нас, чтобы мы подошли к вам!

– К бою! – скомандовал командир по-русски и снова первым бросился вперед.

Из другой группы был убит Салим муаллим. Осколок снаряда поразил его в голову, он даже не смог произнести последних слов.

Дорога к лесу была открыта. Они могли двинуться, хоть это было очень далеко, и в сторону реки. В лес было ближе, к тому же, войди они в лес, им было бы значительно легче отбиться.

– Отстреливаясь, входим к лесу! Марш! Вперед!

Не поворачиваясь спиной к врагу, они отступили к лесу. Раненые ничего не чувствовали. Пули и осколки снарядов рикошетили от скал и камней и ранили их щеки, лбы, брови и т.д. Лица ребят были в крови, но эти ранения были легкими, и они отстреливались, понимая, что им нужно во что бы то ни стало войти в лес. До спасительного леса оставалось совсем немного, и нужно было только продержаться еще немного. И в этот момент словно произошло чудо. Прекратился сыпавший с неба град пуль, и все утихло. Отряд уже объединился. Люди решили, что им удалось выйти из зоны огня, и они кинулись к лесу.

Первая мина взорвалась под ногами Мадара – единственного сына Мусы киши. Куски его плоти, разлетевшиеся в разные стороны, повергли всех в ужас. От криков ребят кровь стыла в венах. Затем взорвалась вторая мина. Она прервала жизни сына Солтана – Ахмеда и младшего сына Хасана – Джейхуна. Когда командир бросился к Гурбату, чтобы не дать ему двинуться с места, их обоих со страшной силой откинуло в стороны. Теряя сознание, словно в немом кино, они видели только, как различные части тел их сослуживцев раскидывает в стороны, и большие куски их плоти медленно падают на землю.

И наступила тишина...

В селе узнали о случившемся лишь три дня спустя. Армянские и азербайджанские села расположены недалеко друг от друга, их жители знали друг друга с детства. Когда рассвело, армяне осторожно подошли к заминированному участку, остерегаясь, чтобы не подорваться на собственных минах. Осмотревшись на местности, они двинулись вперед, собирая уцелевшее оружие и обшаривая карманы убитых: они забирали деньги, распахивая их по карманам, и копались в документах убитых. Они опознали большинство членов отряда. Бородатый армянин по имени Сурен передал по радиации сообщение азербайджанцам: «Ара, ребята из Сирика подорвались на минах на нашей территории. Придите, заберите их тела. Не забудьте прихватить с собой шесть канистр бензина».

– Да чтоб ты сдох! Может, сразу 60 канистр?

– Ара, что я могу поделывать?! Сверху так велели. Убитых много...

Осознав всю суть произошедшего, сельчане были потрясены. Споры были неуместны. Они согласились с условиями и встретились под Сарытепе. Армяне завернули все тела в один большой кусок брезента. Фактически это были оторванные руки, ноги, головы членов отряда. У пришедших за телами кровь в жилах застыла. Они схватились за автоматы: «Вашу мать... Вы что учинили, нелюди?! У вас что, нет матерей, сестер? Как мы их повезем?! Как покажем матерям?! Фашистские упыри! Тьфу на вашу поганую кровь...»

– Ара, мы ни при чем! На mine подорвались дааа... Не мы же убили...

Так и разошлись, стиснув зубы.

Самое страшное было впереди. Вся деревня собралась, ожидая, когда привезут тела шехидов. Люди были морально готовы к потерям и смертям – каждый из них жил готовый каждую минуту получить плохие новости. Но то, что они везли в село, сложно было назвать телами – не было ни одного целого тела. Как же они будут их хоронить – как понять, кто есть кто по этим крупным кускам человеческой плоти?

У въезда в село, крича и плача, метались женщины. Мужчины старались держать себя в руках, но слезы не переставали течь по их лицам. Они не плакали, то был безмолвный стон людей, сгорающих от горя. Глядя на своих родителей, заходились в плаче и маленькие дети, не осознающие произошедшей трагедии. Женщины, сыновья которых не ходили в разведку и остались в деревне, пытались привести в чувство тех из матерей, что рухнули без сознания, услышав о гибели своих детей, и, положив их головы себе на колени, причитая, оплакивали павших.

... К толпе подъехали две машины. Полковник, согбенный, словно нес на плечах бремя мира, медленно вышел из машины, нерешительно взглянул на толпу и подошел к мужчинам. Спросил руководящих лиц и старейшин села и вместе с ними отошел от женщин.

– Мы мужчины. Известно, в каких условиях мы живем и воюем. Это война. Мы все морально готовы к тому, что может случиться любое трагическое событие. Нужды нет говорить, насколько кровожаден, бесчеловечен и жесток наш враг. То, что вы сейчас увидите, – страшная картина. Говорят, они подорвались на минах... Это пока что предварительная версия. Во всяком случае, так говорят и эксперты, приглашенные нами из Гянджи. Они храбро сражались... Матерей и сестер солдат... не знаю, как сказать... надо их успокоить... А вы, мужчины, крепитесь... Я не могу найти нужных слов.... Мы сражаемся с самой жестокой нацией на земле. За десятилетия соседства с ними мы видели их самые невообразимые зверства. Вот и сегодня...

Со стороны женщинам хорошо было видно, как побледнели лица мужчин, как затряслись их руки и губы, как некоторые из них схватились за сердце и осели, но пока не приближались к ним и не задавали вопросов. Председатель сельсовета и директор школы поднялись в кузов грузовика и подняли край брезента.

– О, Господи! Боже мой! Горе нам! Женщинам не вынести этого! – сказал директор и потерял сознание. Мужчины подхватили его. Председатель сельсовета обернулся к полковнику.

– Полковник, как же я покажу их людям? – сказал он, сглотнув слюну так, словно его полоснули ножом по пересохшему горлу.

Полковник тоже был из «кадровиков», служивших в России. Это был достаточно опытный в таких вопросах и хладнокровный человек. Ему было поручено провести похороны максимально тихо. Конечно, приказывать-то легко. Погибших и солдатами не назвать – мальчишки, вчерашние школьники. Сделать все, как ему велели сверху, было непросто. Нужно было иметь огромное мужество и авторитет, чтобы выйти к народу и призвать людей к смирению и терпению. Но их здесь нет, и эта непростая миссия возложена на полковника. Никогда в жизни он не оказывался в столь сложной ситуации.

Вконец потерявшие терпение и самообладание женщины, увидев, что дискуссия и переговоры слишком затянулись, не выдержали и гурьбой подошли к машине.

– В чем дело? Не хотите показывать нам тела наших детей? Или вздумали хоронить их в деревянных ящиках, набитых бумагой? Не позволим! Покажите нам наших детей!

Прибывший из Гянджи полковник дал знак побледневшим и растерянным солдатам. Сельчане, еще не ведавшие положения дел, помогли им выгрузить из КамАЗа большой брезентовый тюк. Полковник улучил момент и с болью обратился к тем, с кем беседовал ранее:

– Прощу вас, держите себя в руках... Пожалейте и нас...

Первой подошла жена Мусеиба. Она была расторопной женщиной, и все свадьбы да похороны в селе организовывались под ее чутким руководством. И в силу возраста, и в силу характера, она пользовалась всеобщим уважением. Она подняла край брезента и отбросила в сторону. Сначала ничего не поняла. Казалось, неопытный мясник неумело разрубил топором туши и свалил все в одну кучу. Полковник, собравшись из последних сил, сказал:

– Они подорвались на минах...

Она вдруг все поняла, и, схватившись за голову, вскричала:

– Вай, женщины, несчастные! Наши дети разрублены на части, как дети Имама Хусейна! Ой, Господи! Боже, Боже! Я не вынесу этого, Боже! Ниспошли камнепад, Господи!.. – Она бросилась на тела, пачкая лицо и волосы в крови.

Вопли вознеслись к небесам. Брезентовый сверток развернули. Немыслимая картина открылась их взорам, началось жуткое смятение:

– Господи, что же это за страсти такие?! Хоть бы ослепли наши глаза, не видели бы мы этого кошмара!

– Где этот мерзавец, собравший мужчин вокруг себя и умничавший?! – взвилась мать Салим-муаллима и, заметив полковника, тигрицей бросилась к нему:

– Да что тебе пусто было! Чтоб и твоим детям лежать разрубленными, чтобы ты их по кусочкам собирал! Что, приехал хлопотать, чтоб уладить все без шума?! Говори, кто тебя прислал?!

Она схватилась за ворот полковника и рванула. Подоспели и другие женщины. Они набросились на полковника и приехавших с ним солдат, скрутили, повалили на землю и стали бить и царапать. Полковник, стиснув зубы, молча прикрывал лицо руками. Приехавшие с ним солдаты, увидев это, также не стали сопротивляться и, покорившись судьбе, вытирали кровь с расцарапанных лиц и разбитых голов носовыми платками и фуражками. Они также не пытались сопротивляться и стоически молчали. Полковник негромко сказал офицеру, стоящему рядом:

– Терпите. Пусть отведут душу. Все они наши матери и сестры... Что им делать?

Когда женщины несколько успокоились, председатель сельсовета и директор школы шагнули вперед:

– Ну, хватит вам! А они в чем повинны? В том, что забрали тела ваших детей и привезли вам? Такова ваша благодарность? Успокойтесь! Дайте нам похоронить детей. Давайте, давайте, расходитесь по домам!

Остальные мужчины, согласно закивав, подошли к женщинам и стали мягко отстранять своих жен, матерей, дочерей от военных, которые все так же молча глядели на них. Полковник, как ни в чем не бывало, сдержанно сказал:

– Давайте похороним наших солдат. Это главное, что нужно сейчас сделать.

И матери начали искать своих детей – опознавая их по одежде, особым приметам, волосам, прижимали их ноги и руки к груди и причитали:

– Ай, Мусеиб, это грудь и голова Ильгара... погоди, поищу ноги и руки...

– Сулейман, вот тело Сейфуллы... я поищу голову...

– Женщины, родненькие, я нашла одну ногу Заура, ради Бога, помогите... может, найдете вторую... ох, помираю...

– Сестра, родная, кажется, это нога твоего Джамия, в селе только твой сын носил джинсы...

– Мамаааа... Это Гурбат... Это Гурбат!..

Вопль Минары, как огненный меч, вонзился в сердца людей. Казалось, небо и земля содрогнулись от безудержного вопля сестры, обнявшей голову брата и непрестанно целующей его в полуоткрытые глаза.

– Братик, братик, не молчи, скажи хоть что-нибудь своей несчастной сестре! Боже, забери и меня!

Из-за того, что в последний момент командир обнял Гурбата, его тело было не так сильно изуродовано. Джамал и Минавар обезумели от горя, Семендер, опустившись на колени и обхватив голову руками, качался, беззвучно рыдая.

Нубар не было суждено увидеть похороны сына. Услышав вопль Минары, она потеряла сознание... Очнувшись только наутро, и когда узнала, что сына уже похоронили, снова упала без чувств.

В соответствии с приметам, отдельные части тел собрали в девять гробов. Мужчины похоронили их не на кладбище, а на склоне горы в Сирик. Притихшие, словно закоченевшие от горя, женщины выражали друг другу соболезнования.

– Кажется, часть тела твоего сына похоронили в могиле моего сына, ты уж прости, сестра.

– Господи!.. Еще одну часть похоронили в могиле сына Зулейхи. Какая уж теперь разница?.. Все они – наши сыновья.

– Да, это так, горе у нас общее.

Погибшие были сыновьями каждого из них, поэтому и горе было общим. Те, чьи сыновья были живы, словно провинившиеся в чем-то, не могли смотреть людям в глаза. Матери же шехидов ходили с высоко поднятой головой: согнувшиеся давеча под грузом горя, сегодня гордо смотрели вперед.

Жена Мусеба сказала слова, которые стали утешением для всех:

– Бог дал – Бог взял. Кто мы такие, чтобы судить о делах Господних и роптать? Да будет воля его!

Стояла середина января 1992 года. Зима постепенно показывала свой суровый лик – долго находиться на улице было невозможно: лицо заиндевало. Все мужчины села, как и мужчины всего района, проводили дни на площадях, дорогах и улицах. Повсюду было одно и то же: люди разводили костры и, чтобы они горели как можно дольше, клали в огонь покрышки старых прицепов, тракторов и машин. С покрасневшими от дыма глазами, они горячо спорили о том, отчего правительство и армия столь медлительны в действиях. Всякий трактовал бездействие властей на свой лад. И все разговоры сводились к оружию. Еще одной головной болью стало сосредоточение изгнанных из Армении азербайджанцев в Замзуре и возложение их защиты на четырех милиционеров.

– Как можно целую деревню оставлять безоружной наедине с армянскими отморозками? И что с того, что пост есть? Всего четверо милиционеров охраняют. В одной только банде Ованеса свыше ста бородачей, и все вооружены до зубов.

– А наши охотничьи ружья да дедовские двустволки так живо собрали и изъяли, как будто отцам своим на саван собирали, – выругался в чей-то адрес сидящий рядом.

– У них и танки есть, из русской части, но управляют армяне. Если мы приблизимся, нас заживо размолотят гусеницами, а им и слова никто не скажет.

– Ты что, не знаешь – собака собаке на хвост не наступит.
– Интересно, а наши-то о чем думают?
– О чем им еще думать? Глава страны проданся России ради того, чтобы усидеть на теплом местечке, вот и танцует под русскую дудку. Чтобы заказывать музыку, мужик должен иметь...
– А у него их нет, – бросил с насмешкой один из бородатых фронтовиков.
– Бесхозная страна. Все торгуют поверх голов народа.
– Вам и этого мало! Сказано было в свое время – не скряжничайте, не тряситесь над деньгами да над золотом, давайте скинемся всем селом, купим танки и оружие. Так нет же, все рожи воротили.
– Да сколько ж можно скидываться-то? С первых дней войны мы только и делаем, что скидываемся. Что ни день – собрание да совещание, а в конце, как всегда: «Товарищи, скиньтесь, кто сколько может». Разве не так?
– Послушай, жлоб, мы что, оружие и патроны покупаем, чтобы в музеи складывать? Заканчиваются ведь боеприпасы! Сколько ребят погибли, сколько в разведку ушли, и не возвратились... Вон, целый отряд из Сирика в разведку ушел, попали в засаду, и все ребята погибли. Сколько оружия осталось этим гадам – армянам. Чем прикажешь пополнять эти убытки?
– А что, из армян никто в плен не попадает? Куда же их оружие девается?
– Послушай, с такими мелочными людьми, как вы, далеко не уедешь.
– Отчего же, правда глаза колет?!

– Пока Гейдар Алиев не вернется – все бессмысленно. Если и дальше править будет шантрапа – нам конец.
– Гейдар Алиев, говоришь? Не видать вам этого, как ушей своих! Мы покончили с коммунистами раз и навсегда, – ответил народофронтовец средних лет.
Сторонник Гейдара Алиева не собирался сдаваться:
– Он давно порвал и выбросил свой партбилет! Видал, как 20 января он выступил в самом сердце Москвы под носом у Горбачева с заявлением, разоблачил советскую власть и Горбачева! Куда вам до него...
Безответным вопросам не было конца-края. Никто не мог сказать ничего конкретного. Все смутно понимали происходящее, а ответов ждали от тех, что были у власти. А те, в чьих руках находились бразды правления, были расколоты на отдельные группы и клики, всяк тянул одеяло на себя, и не было среди них никого, кто мог объединить их.
Наутро те же люди снова собирались в тех же местах, снова вели те же споры и, не найдя ответов, расходились по домам... На следующий день опять собирались, чтобы снова завести ту же шарманку и повторить вчерашние и позавчерашние споры.

В штабе Народного фронта, размещенном в помещении старого сельского клуба, обсуждали ситуацию последних дней. В помещении стояли клубы сигаретного дыма, поэтому маленькое окно открыли настежь, но толку от этого было мало. Было очень шумно, так что не разобрать, о чем говорят стоящие рядом. Кто-то возмущенно крикнул, имейте, мол, совесть, курите по очереди – ей-богу, мы как в тумане, уже и лиц ваших не видать!

Кто-то бросил с насмешкой:

– Оно и к лучшему!

Возмутившийся ответил с ходу:

– Чего это? Ты такой урод?

– Сам ты урод!

– Да я просто спросил... Чего ты заводишься?

Барат – сын счетовода Кямала, ворвался в комнату, как одержимый:

– Уходят!

В глазах молодого, благовоспитанного и уважаемого народофронтовца, умеющего управлять своими эмоциями, стояли слезы. Он хотел сказать еще что-то, но спазм в горле не дал ему говорить.

– Армяне? С какого направления? – спросил Мурват и склонился над картой. Присутствующие тут же столпились вокруг стола.

– Да нет же... Я не об армянах говорю! Наши уходят!

Эти слова подействовали на собравшихся словно гром среди ясного неба.

– Ты что несешь?!

– Клянусь! Выгляните на улицу...

Барат сел на пол у стены и прижал шапку к глазам. Все выбежали на улицу.

Два стареньких КамАЗа, словно смущаясь, медленно съезжали с серого склона. Вслед за ними осторожно спускались вооруженные и безоружные солдаты. Они также шли смущенно, словно всем своим видом прося прощения у людей и деревни, которую оставляли на произвол судьбы. Половина всех солдат была безоружна. Оружия на всех не хватало.

– Стреляйте по очереди. Не спорьте! – часто наставлял командир, пытаюсь таким образом замять споры типа «Давеча ты стрелял, теперь дай и я постреляю!»

– Где это видано – стрелять по очереди?! А у нас это в порядке вещей! – шутили между собой солдаты.

Половина из них были добровольцами, а половина – военнослужащими-срочниками. Это были молодые люди с некоторым боевым опытом и умением обращаться с оружием, в отличие от шпаны, собранной и привезенной на фронт с улиц, из парков, скверов и метро. Благодаря им жители деревни спокойно жили, занимались земледелием и отпускали скот на пастбище. Местные юноши и народофронтовцы нашли несколько ветхих ружей и двустволок и дежурили на собственных укрепленных постах в относительно отдаленных частях села, в направлениях, где была высока вероятность нападения. Большинство из них неделями не ночевали в своих домах.

Солдаты покидали очень важные позиции в Хильтепе. Это было, по меньшей мере, неразумно. В темноте это движение было не так заметно. КамАЗы, часто ездившие туда-сюда по линии фронта, не слишком привлекали внимание. Казалось, участники шестивия не хотели, чтобы местные жители и, в частности, народофронтовцы узнали об их уходе, ибо больше своих командиров побаивались председателя Народного фронта Мурвата, и потому намеревались уйти как можно тише и незаметнее. Увидев направляющихся к ним членов Народного фронта и жителей села, они застыдились и поняли, что добром дело не кончится. Мурват шагнул вперед.

– В чем дело, командир? Ночная прогулка?

Командир – полковник-лейтенант средних лет, долго не отвечал. Возможно, с Мурватом можно было бы объясниться, он бы понял, – учитель как-никак. Но, увидев разъяренную толпу, вооруженную вилами, граблями, лопатами, топорами, он воздержался от ответа. Все молчали. Наступила жуткая тишина. В тишине слышалось дуновение легкого ветерка, еще больше усиливающего напряжение. «Нашел время дуть!» В целом, время было таким, что взвинченных до крайности людей раздражали даже самые обычные вещи: и неуместно дующий ветер, и неосторожное слово, и палец на курке... Командир все еще молчал. Похоже, подбирал подходящие слова. Не найдя оправданий, он сказал, как есть:

– Поступил приказ сверху. Мы должны отступить к окрестностям Гянджи.

– А как же мы?!

– Наверняка пришлют других...

– А смысл? Вы же уже здесь! Это предательство, командир! Вы хоть понимаете, что творите?!

Старый бригадир по покосу травы Ализаман, услышавший слово «предательство», выпалил:

– Причем предательство государства!

Командир захрипел:

– Приказ поступил с самых верхов.

– Кто этот сукин сын, давший такой приказ?! Задумали оставить нас тут безоружными и пустить на пушечное мясо? За что?! Мы что, предатели Родины?

Это снова был Ализаман. Человек он на язык несдержанный, но мужественный и бесстрашный. Односельчане звали его «рубаха Ализаман». Вот и сейчас с готовностью поддержали его:

– Верно говорит мужик!

Мурват все так же сдержанно сказал:

– Командир, возвращайтесь на свои посты. Отдавшем этот приказ передайте, чтобы пожаловали к нам в село и увидели положение своими глазами. И что бы они ни решили после этого, мы согласимся. И присоединимся к вам и уйдем. Что уж поделать...

– Прошу вас, Мурват муаллим, поймите нас! Мы должны прибыть вовремя в назначенное место. Обещаю, что расскажу все, как есть, и уговорю начальство направить сюда новый отряд.

И снова Ализаман опередил Мурвата:

– Ты что, дитя малое обманываешь?! Как говорят армянские ублюдки: «Дасны хинг, хинг дасны». С чего это вы не воспринимаете всерьез слова Мурвата? Вы же здесь! Как там было... от перестановки чего-то там – что-то не меняется! Какая разница: тот отряд или этот?! Чем мы вам не угодили?! Сами не ели – вас кормили!

– Да, это так, не смею отрицать.

– Тогда что это за нож в спину?!

В отчаянии Ализаман со всей силы бросил оземь большой камень, который сжимал в руке. Окружающие отскочили. В отчаянии от осознания своего бессилия старик воздел морщинистые, словно ветви дерева, руки к небу и закричал:

– Ааааа!..

Казалось, на этот крик отозвались эхом небо и горы. Солдаты, державшие руки на курках, моментально собрались. Все осознали неоднозначность ситуации и проклинали тех, кто поставил их в такое положение.

Солдаты должны были подчиняться приказу. Сельчане же понимали, что после ухода солдат они останутся безоружными перед лицом врага и погибнут. Так что же было делать?

Сердце старого Ализамана обливалось кровью.

Мурват намеренно дал аксакалу возможность высказаться, чтобы выиграть время и обдумать происходящее.

Безоружные люди наклонялись и поднимали с земли крупные бульжники. Те, у кого были ружья, шагнули вперед. Солдаты, стоящие напротив них, привели в боевую готовность автоматы. Ализаман все не унимался.

– Ну! Если есть смельчаки среди вас, стреляйте! Вот он я перед вами! Считайте, что перед вами армянин. Стреляйте, если вы мужики!

Командир поднял руку. Наконец, заговорил и Мурват:

– Ализаман киши, успокойся малость.

– Какое уж тут спокойствие! Ты что, не видишь, какую подлость они удумали?!

– Думай, что говоришь! – не выдержал один из офицеров. – Мы молчим из уважения к твоему возрасту, не то б...

На сей раз люди зашумели со всех сторон:

– Не то что?! Давайте, валяйте, если уж мужиками себя называете! Смерти мы не боимся. Ей-богу, уроем вас прямо здесь!

Обе стороны сошлись лицом к лицу, так, что даже чувствовали дыхание друг друга. Командир решил прибегнуть к последнему средству.

– Приказываю отступить!

Солдаты отступили. Командир взял под руку Мурвата.

– Давай-ка отойдем, – сказал он и, вынув из нагрудного кармана лист бумаги, протянул его Мурвату. – Ты, слава Богу, грамотный, опытный человек. Видишь, поступил приказ, а я подневольный человек. Я военный, моя главная обязанность – выполнять приказы. Ты прекрасно знаешь это. Допустим, аксакал не разумеет...

Мурват, сурово оглядев командира с ног до головы, хотел было что-то сказать, но командир его опередил:

– Я имею в виду – не вполне понимает. Не знаком с особенностями нашей профессии...

Мурват, размахивая приказом, задумался. Все написано черным по белому, препираться бесполезно. Бойцы должны были отбыть по месту назначения. Плохо это или хорошо, но приказ нужно было выполнять. Нельзя было допускать столкновений, иначе враг заликовал бы. А им какая с этого выгода?

– Тогда давай поступим так, чтобы и нашим, и вашим, как говорится. Я тебя понял. Уходите! Но отдайте нам ваше оружие! Лицом к лицу с армянами теперь остаемся мы. Вам совесть позволит оставить нас безоружными?

Конечно же, Мурват был прав. И командир тоже это прекрасно понимал. Он шагнул к солдатам. Несколько минут они о чем-то жаростно спорили. Многие не хотели отдавать оружие.

– Неуместное упрямство ни к чему. Не думайте, что они испугаются нашего оружия и уйдут с пути. Оглянуться не успеете, как в нас полетят вилы да топоры – порешат нас на месте. Деревенские жители с детства привыкли драться подручными средствами. Они часто сталкиваются в вопросах пастбищ, сена, земли. Они привыкшие. Их тесаки стремительнее ваших автоматов. Не упрямьтесь. Они правы... Как они смогут выстоять без оружия? Имейте совесть! Это наш народ! Они жили, полагаясь на нас! А мы уходим и оставляем их беззащитными! Конечно, не по собственной воле...

Командир принял окончательное решение:

– Оружие и патроны – трофейные, купленные у Щербака за деньги, не отмеченные в журналах, – отдать сельчанам. Отзывая нас, они там что-то замышляют. Это похоже на большую игру. Я говорю, исходя из своего опыта. Этот приказ категорически неверный и с военной, и со стратегической точки зрения. Но что поделать? Мы солдаты – люди подневольные. Приказано отступить – отступим. Спросят с нас за это когда-нибудь – мы скажем свое слово.

А на другой стороне Мурват собрал людей, успокоил и объяснил ситуацию. Похоже, обе стороны пришли к компромиссу и решили уладить все без столкновений.

– Подходите, забирайте!

Командир указал на оружие и патроны.

Люди шагнули вперед.

Внезапно в полнейшей тишине раздались, смешавшись друг с другом, звуки автоматов, пулеметов и пушек. На Балкесен с ревом упал снаряд «Града». Они намеренно выбрали первой мишенью именно эту территорию. Армяне знали, что к источнику, особенно по вечерам, собираются девушки, невесты, женщины и дети. Молодые, отойдя в сторонку, шепчутся друг с другом, выражая свои чувства, снова и снова дают обет вечной любви, обсуждают свои мечты и жизнь: в Баку ли поедут или, если добровольцы разгромят армян и поставят их на место, останутся в селе.

Если останутся, то поселятся ли в Лалели-тепе, либо же попросят у представителя села участок на левом берегу Гюрбулага, где заложили уже бетонные фундаменты своих домов те их односельчане, что, занявшись торговлей, заработали достаточно денег в Баку, Сумгайыте и России? Пока еще это были сладкие грезы. Хотя полноценной войны еще не было, каждый день на разных позициях происходили перестрелки между армянскими боевиками и азербайджанскими солдатами, было много раненых и убитых. Однако в этот раз стрельба не была прерывистой, а шла непрерывно... На расстоянии примерно трех-четырех километров на Исфандияровой бровке было замечено несколько танков. Такого еще никогда не было. Семендер киши оторопел:

– Похоже, на сей раз уже все серьезно!

Его старшая дочь Минаввар на ходу внесла ясность:

– Это русские танки. БТР-ы. И один БМП.

Жители всех окрестных сел, от мала до велика, особенно подростки и школьники, могли определять по звуку тип орудия, а марки танков и самолетов – по внешнему виду. Нубар, стоявшая в трех шагах от мужа и держащая в руках медный котел, шагнула вперед, собираясь подоить буйволицу, вернувшуюся с пастбища, и остановилась, чтобы узнать, чем кончится вся эта суматоха: прогонят ли наши армян до того места, откуда они пришли, или нет... Боже, спаси да сохрани! Что это с Семендером?.. Танки медленно двинулись вниз с Исфандияровой бровки. «Ну, держитесь, идем на вас...»

Тревожный голос из репродуктора Дома культуры разнесся по селу:

– Люди! Армяне надвигаются на село на танках. Соберите все ценное и немедленно отправляйтесь на железнодорожный вокзал! А обладатели машин и телег, отправляйтесь вниз по холму Хильтепе – к Бейлаганской магистрали. Мы останемся и будем сражаться с ними, за это время вы успеете значительно отдалиться и спастись! Не медлите! И да хранит вас Бог!

Семендер кинулся к привязанному в стойле коню:

– Жена, не медли! Собери детей, проверь, все ли здесь! Я запрягу лошадь в повозку!

Его взгляд остановился на надгробии Гурбата. Сын, улыбаясь, смотрел на отца. «Что, бежите? Отчего не сплотитесь и не проучите этих гадов? Что они потеряли в этих криках? Почему не выдворите их?»

Руки Семендера опустелись, повиснув плетями, словно крылья подбитой птицы. Никогда еще он не чувствовал себя столь беспомощным и бессильным. Не успели установить надгробие Гурбата на могилу. «Опоздали...»

... В тот день Мусеиб не смог сдержать своего слова. Вернувшись от Семендера к себе домой, он застал жену и детей в смятении, ожидающих его. Поскольку у жены его сына, павшего смертью храбрых в бою вместе с Гурбатом, начались схватки, он второпях доставил ее в Джебраил. Роды были проведены кесаревым сечением, и потому состояние невестки было тяжелым. Он был вынужден остаться в Джебраиле. Больница была не той, что прежде, несчастной таблетки валерианы и той не было. С тех пор, как медицинское снабжение в связи с беспорядками сошло на нет, лекарства приходилось доставать самим. Нужно было стоять у врача над головой и спасать невестку и новорожденного, он бы никому не простил их гибели. Это был мальчик. Назвали именем отца. Это было лучшим бальзамом для их еще кровоточащих ран. Покидать больницу он не мог – несмотря на то, что свеж кровью денно и ночью глаз не смыкала у изголовья невестки, в любой момент мог понадобиться и он...

Нубар второпях собрала детей и ждала его с парой узелков. От волнения и спешки Семендер никак не мог запрячь лошадь в повозку. При каждом звуке выстрелов, грохоте артиллерии конь поднимался на дыбы, и Семендеру приходилось начинать все сначала. Наконец, он не выдержал:

– Чтоб тебя черти взяли, да успокойся же наконец! Иначе вымещу всю злость на тебе!

На легковых и грузовых машинах пронеслись мимо по направлению к бейлаганской магистрали те, чьи дома были у дороги.

– Ишь, счастливички, гляди, как живенько собрались! – не удержалась Нубар. Наконец Семендер запряг лошадь в телегу.

– Живо, рассаживайтесь! – крикнул он и развернул коня к воротам. На выезде на магистраль Минара разрыдалась:

– Надгробие брата забыли! О, Боже, мы забыли надгробие! Армяне его измолотят!

С этими словами она спрыгнула с телеги. Семендер опешил. Минара собиралась бежать сквозь нескончаемую череду машин, повозок и гонимого по дороге скота к крыльцу, к входной двери дома, куда было прислонено надгробие. Все спустились с повозки. Семендер передал узды среднему сыну и сказал:

– Держи крепче, не дай коню сойти с дороги.

Они – каждый с одной стороны схватились за надгробие и поволокли его по земле. Основная нагрузка пала на Семендера и его жену. «Братец мой, да что же это за судьба у тебя такая?!» – причитала Минара, рыдая. Дорога была по-прежнему забита. Только бы перейти дорогу. От тяжести все вспотели. Никто не мог помочь Семендеру и его семье. Каждый думал о себе и своих близких.

На сей раз Минара, как только образовался небольшой зазор в транспортном потоке, встала посреди дороги и раскинула руки в стороны. Машины и повозки были вынуждены притормозить. Вдруг появилось двое молодых ребят и помогли им загрузить надгробие в повозку. И оба, глубоко вздохнув, растроганно сказали:

– Как жаль, что тебя нет с нами, Гурбат!

А затем поспешили к своим.

Никогда еще бейлаганская дорога не была такой многолюдной. Легковые автомобили съезжали с шоссе из-за пробок и ехали по грунтовой дороге, подсакивая на ухабах и колдобинах. Никто и не думал об опасности сломать рессору или загнать машину в хлам. Лишь бы поскорее убраться отсюда. Танки уже въехали в деревню. Они продвигались, стреляя на ходу по всем домам. Затем, возвращаясь, снова обстреливали не разрушенные до конца, частично уцелевшие дома так, чтобы их владельцы больше никогда не смогли вернуться туда. Два танка устремились вслед за покидающими родные дома сельчанами, но, похоже, догонять их не собирались, просто запугивали.

Минара достала одну из блузок из узла и начисто протерла надгробие. Она продолжала оплакивать брата, время от времени целуя высеченное из камня изображение брата и громко зовя брата Салахата, служащего в горах Мурова:

– Приди, прицелься в этих гадов, убей их всех, пускай и их матери захлебнутся в слезах! Как же тебя не хватает, братик!

Ее брат Салахат как-то сфотографировался с гранатометом на плече и на вопрос: «Что это за оружие?» ответил: «То, чем подбивают танки». Потому она и вспомнила его сейчас.

На обочину дороги с грохотом упал снаряд. Ударной волной перевернуло две машины. Крики и стоны разнеслись по всей округе. Конь так вскинулся, что повозка перевернулась. Роспуск сломался посередине. Ось колеса тоже была сломана. Боквины повозки разлетелись по сторонам. Семендер оказался придавленным лошадью. Джамал выскочил из повозки и упал плечом на траву. Вроде не сильно пострадал. Мать с дочкой – Нубар и Минавар в обнимку упали на обочину. Хотя

пышнотелая Нубар особо не пострадала, правая щека Минаввар, одежду которой зацепила боковина телеги, была исцарапана в кровь. Однако снова душераздирающий крик Минары: «Ой, мамочка, я колено сломала!» заставил всех забыть о себе.

Девушка, с самого начала пути едущая, обхватив надгробие брата, упала вместе с ним. Почувствовав ужасную боль в левом колене, она заметила, что оно осталось под надгробием.

«Прости, сестренка! Боже, убей меня! Я засмотрелся на людей. Даже не знаю, как это случилось. Повозка свалилась боком, оттого и я свалился на тебя. Боже, убей меня!»

Первым подоспел Джамал.

– Отец, я не осилю!

От бессилия он заплакал. Вслед за ним подбежали и мать, Семендер и Минаввар. Семендер опустился на колено и с криком «О, Аллах, помоги!» поднял камень. Остальные помогли ему. Кое-как они подняли надгробие с ноги Минары. На сей раз рука Джамала осталась под камнем.

– О, Боже, мои пальцы!

– Да что с тобой, ты что, не смотришь, куда суешь пальцы?!

В этот раз Семендер поднял одну из боковин телеги и подsunул ее под надгробие, поднапрягся, и Джамал вытянул пальцы из-под памятника и сунул в рот:

– Отец, мои пальцы...

– О, Аллах, да что же это за напасть?! В чем мы провинились, Господи? За что нам изгнание из родных домов, за что такая участь?! – возроптал Семендер, обратив лицо к небесам.

От повозки ничего не осталось; ось и роспусок были сломаны вдребезги – чистой воды самоварные щепки. И хотя лошадь поначалу ускакала в страхе, вскоре, словно побоявшись оставаться одной в темноте и быть съеденной хищниками, приплелась к хозяевам и жалобно ржала. Животное также понимало трагичность их положения. Семендер нашел седло, положил его на спину лошади, собрав все узелки да котомки, привязал их концами друг к другу и взвалил на спину коня.

– Поехали, – сказал он, – не будем медлить.

Только они направились к заасфальтированной дороге, как вдруг...

– Отец, я не могу идти... – Ослабевший голос Минары всех ошарашил.

Что-то сломалось внутри Нубар, которая успокаивала Джамала, целуя его руки. Женщина невольно осела:

– О, горе мне, горе, дочка осталась калекой!..

Когда они слышали Минару, поняли, что она значительно отстала от них. Она еще раньше, когда попыталась встать и следовать за ними, почувствовала, что левая нога ее не слушается, но из-за слов отца «Не будем медлить» не решилась что-то сказать. Поплелась вслед за ними, сначала волоча ногу, а затем и вовсе ползком. Уже стемнело, издалека они не просматривалось; и машин, и людей на дороге поубавилось.

Все члены семьи были угнетены. Минара, видя, что ее руки и ноги ранят шипы да крапива, и что она не успевает за родными, осознала безнадежность своего положения и застонала. И слова ее были выражением той адской боли, что она испытывала.

– Родная моя, доченька, потерпи немного.

Минаввар подоспела быстрее всех. Едва она коснулась ноги сестры, как крик Минары охватил всю округу. Минаввар стала рвать на себе волосы.

– Горе твоей сестре! Да что же это за наказание такое?! О, Боже!..

Левая коленка Минары настолько распухла, что ноги девушки, казалось, срослись друг с другом. Подоспела и Нубар. Увидев дочь в таком состоянии, стала бить себя по лицу.

– Горе мне, горе! Сердце мое разрывается, Семендер! Встаньте на дороге, если надо лягте, но остановите какую-нибудь машину, девочку срочно надо доставить в Бейлаган – в больницу.

Джамал, Минаввар и Семендер вышли на дорогу. Издали шел свет, но машина была очень далеко. Бог знает, когда она доедет, доберется, доползет... С противоположной стороны послышались выстрелы. Это была грузовая машина. Похоже, это добровольцы ехали на подмогу. Увидев сгрудившихся посреди дороги людей, остановились:

– Что у вас, аксакал?

– Дочка... – Семендер не смог продолжить, и указал на дочь.

– Пойдемте, я покажу, – шагнул вперед Джамал.

Группа ребят последовала за ним. Включили фонари. Увидев мать и дочь в таком состоянии, опешили.

– Бедная девочка, что с ней... Это армяне вас так?

– Нет, мы ехали на повозке, на дорогу упал снаряд. Лошадь испугалась, вскинулась и перевернула повозку... нога моей сестры осталась под... под надгробием брата... похоже, перелом, – пояснил Джамал, заикаясь.

– Эй, сюда, на помощь, срочно надо доставить в больницу!

– Надгробие брата тоже возьмите, он стал шехидом... Не смогли мы довести, – из последних сил сказала Минара, увидев, что мать с отцом не тронулись с места. – Ребята, молю вас... ради всего святого, ради отрубленных рук Хазрета Аббаса, ради душ всех шехидов, не дайте надгробию остаться под ногами...

Сказала и потеряла сознание. Хотела еще что-то сказать, наверное, снова собиралась слезно просить...

Семендер взял на руки дочь и, плача, двинулся в путь. Нубар рвала на себе волосы. Лицо Минаввар было в крови, она прижала конец платка к ране, а затем, оторвав кусок от подола платья, перевязала щеку. Лицо ее сильно саднило, но, видя состояние сестры, она не обращала внимания на свою боль. И Джамал сильно повредил пальцы, однако и он не замечал боли из-за сестры.

– Ребята, не по-мужски это, и надгробие захватите, он наш брат-шехид. Если его сестра впоследствии узнает, что мы не забрали его, проклянет нас... Разве не видите ее состояние?... Да поможет им Аллах!..

В Бейлаганском военном госпитале яблоку негде было упасть. Кроме раненых в бою, было множество пострадавших в суматохе людей со сломанными конечностями, разбитыми головами. Медицинский персонал не успевал заняться каждым из нуждающихся в помощи – их было слишком много. Они потребовали бригаду врачей из центральной районной больницы. Им сообщили, что врачи выехали, в пути. Там были осведомлены о событиях в Джебраиле, Физули.

Сначала разместили солдат. Тех, кому требовалась операция, немедленно доставили в операционную. Тем, кому требовалась первая медицинская помощь, оказывали ее прямо в коридорах.

Семендер бросался за всеми в белых халатах и умолял:

– Помогите моему ребенку! Бедная девочка... нога осталась под надгробием... разбухла до невозможности! Умоляю вас, помогите!

Не удавалось разместить даже раненых солдат. Бригада врачей тоже никак не прибывала. К стенаниям Минары присоединился и Джамал. У него тоже сильно отекли пальцы. От страшной пульсирующей боли состояние мальчика постепенно ухудшалось, он не мог удержаться на ногах и лег у стены. Люди проходили мимо, а иногда и наступали на него. Минара терпела из последних сил.

– Мама, скажи, пусть сделают мне такой укол, чтобы я не чувствовала боли, я же умираю! Я так долго не протяну...

Ее мать была не в лучшем состоянии. Ее боли только-только стали давали знать о себе. Спускаясь с кузова грузовика во дворе госпиталя, она не удержалась на ногах и ничком повалилась на землю. Молодые люди взяли ее под руки и, доведя до входа в госпиталь, оставили ее там, а Семендер доставил дочь сам на руках.

От шума и гама ничего не было слышно. Со всех сторон слышались стоны, крики и плач. Все молили о помощи, все звали врачей.

Две машины скорой помощи с воем въехали во двор госпиталя. В глазах у людей появился проблеск надежды. Наконец-то! Их было шесть человек: двое врачей, а остальные медсестры. Все, кто мог двигаться, ринулись к ним навстречу. Начался переполох. Теперь уже было не до правил, порядков и очередей. Они принялись осматривать всех, кто встречался им, прямо в коридоре. Странно, что все немного утихло и стали выжидать своей очереди прямо там, где стояли или лежали.

– Мамочка, я же умираю! – все обернулись на вопль Минары. Пожилой врач указал одной из медсестер. Та покачала головой и сказала:

– От боли возможна остановка сердца.

– Немедленно введите обезболивающее! Пусть успокоится, я сейчас осмотрю. Похоже, придется требовать подмогу из Баку. Раненых слишком много! Мы не успеваем.

Когда Минаре сделали укол обезболивающего, мать указала на корчащегося от боли Джамала и взмолилась:

– Доченька, может, и ему сделаешь укол?

– А с ним что случилось?

– Пальцы разmozжило камнем.

– Каким еще камнем?

– Надгробным.

Медсестра удивленно посмотрела на женщину, она ничего не поняла.

– Только после осмотра врача. Потерпите еще немного.

– Если бы он мог терпеть, я бы не попросила... Разве не видишь, я теряю детей?
– ответила Нубар обиженно.

– Тетушка, все в удручающем состоянии, всем требуется помощь.

– Таких горемык, как я, нет, – всхлипывая, прижала она край косынки к глазам.

К утру стало поспокойнее. Нуждающихся в медицинской помощи стало меньше, солдатам, поступившим из зоны боевых действий, была оказана первая медицинская помощь, некоторые были прооперированы. Госпиталь был полон стонами, мольбами и криками раненых. Некоторые, не выдерживая боли, молили Бога о смерти. Благо, смерть где-то заплутала и в больницу пока не собиралась.

Все сочувствовали состоянию Минары, а поняв суть дела, качали головами, мол, искалечили девушку на ровном месте. Увидев пальцы Джамала, и вовсе поразились – надгробие стало каким-то бедствием вашей семьи. Узнав, что надгробие погрузили в повозку по настоянию Минары, пожилой доктор долго и задумчиво посмотрел на окружающих и покачал головой:

– Судьба...

Для Минары соорудили место в уголке. Нашли и принесли откуда-то железную сетку от кровати. Подложили под углы кубики и приподняли над уровнем пола. Члены семьи расселись вокруг нее на полу. Нубар сидела, обняв Джамала. Ему также дали лекарство и перевязали руку. Он немного успокоился. Лицо Минавар промыли риванолом, на ссадины нанесли мазь, и ей тоже значительно полегало.

К утру во дворе больницы собралось много людей. Прибыли и чиновники. Они что-то увлеченно обсуждали, осматривали двор, что-то подсчитывали. Спустя некоторое время хлынул поток изрядно расстроенных людей, проклинаящих и правительство, и армян, и народофронтовцев – словом, все и вся, за положение, в котором оказались.

Выяснилось, что для беженцев, лишившихся крова, будет сооружено временное убежище. Семендер, вышедший на шум, увидел в толпе Мусеиба.

– И ты здесь?

– Да, брат.

– А семья?

– Все благополучно... только в гробу я видал такое благополучие.

– Не говори так, не гневи Бога. Говори, что случилось?

– Надгробие искалечило двоих детей. Состояние Минары совсем удручающее.

– Слушай, я не понял...

– Только я запряг повозку и собрался вывезти семью, Минара начала настаивать, чтобы мы забрали и надгробие. На дорогу рядом с нами упал снаряд, конь испугался, вскинулся, опрокинул повозку, и надгробие свалилось на ногу Минары. Похоже, колено сломано. А Джамалу надгробие прищемило руку. И у него, кажется, пальцы переломаны. Пропадают мои дети, Мусеиб! – сказал он и, всхлипывая, заплакал. Он плакал, выплескивая давно накопившиеся боль, злость, обиду, гнев, отчаяние, беспомощность, горе, лежащее на его плечах, как тяжкое бремя. Он не стыдился делать это при Мусеибе, ибо горе у них было общее... Никто не понял бы его, как Мусеиб.

Кто-то громко позвал Мусеиба по фамилии.

– Иду, – крикнул он и отошел. – Сейчас вернусь, жди здесь!

Окликнул его уполномоченный исполнительной власти Бейлаганского района.

– Послушай, прими выделенные доски, палатку и прочие требующиеся материалы, начинай сооружать, – сказал он и протянул Мусеибу лист бумаги.

Тот обернулся и издалека потряс указательным пальцем, знаком веля Семендеру никуда не уходить, ибо в этой суматохе отыскать односельчанина было бы не просто. Вместе с членами своей семьи он забрал выданные ему материалы и двинулся в указанном направлении.

Звуки топоров, молотков и пил охватили больничный двор.

Ближе к вечеру по инициативе и с помощью Мусеиба был сооружен приют и для семьи Семендера. Минару перенесли вместе с той железной кроватью, на которой она лежала. Выяснилось, что здесь они пробудут недолго, всех беженцев отправят в Баку. На лице Нубар промелькнул луч надежды: «Даст Бог, там мы обратимся к какому-нибудь хорошему врачу и вылечим моего ребенка».

Оказанная медицинская помощь, всякие лекарства и препараты помогали мало. Состояние Минары и Джамала по-прежнему было тяжелым. Днем боли немного утихали, а по ночам удваивались. Минавар немного полегчало. Когда меняли повязки, пораненная щека болела не так сильно, как прежде.

Тело Нубар становилось все грузнее и грузнее, руки и ноги ломило. Горе согнуло и Семендера. Он часто роптал в сердцах: «За что нам такая участь?! Неужели правительство об этом не знало?! Если не знало – очень плохо! Если знало, почему не приняло мер?! У них что, разведки нет?! Передохли все?! Что за государство такое недальновидное?! Только и знают, что совещаться! Болтают попусту, собачатся! Скольких людей оставили без крова, пустили по миру! И что теперь будет с нашими землями?! Армянам достанутся?! Господи, не допусти!»

Чем больше он думал, тем больше его пробирала дрожь. С каким трудом он построил дом, разбил сад, обустроил двор. А сколько было односельчан с намного лучшими условиями, чем у него. Теперь все они были в одинаковом положении. Теперь всем им предстоит снова строить дома, обустраивать жилье... Как? На какие средства? Где?.. Все, что имели, все осталось армянам. Очень мало, кто смог вывезти пару-тройку мелкого рогатого скота. На чем спит его дочка Минара, над которой он трясся с рождения? Врач велел кормить ее бульоном, а к бейлаганскому рынку не подступиться, ни птицы, ни мяса – все пропало с прилавков. «Да что же это за нрав у наших? Едва начинаются малейшие беспорядки, сразу все пытаются нажиться на этом. Говорят, что до вчерашнего дня те же куры на рынке стоили не дороже пяти манатов, а сейчас ни копейку не уступают с четырнадцати манатов».

У Семендера голова горела от размышлений, раздумий, предположений. Он все не мог найти какого-то выхода. Ничего хорошего не ожидалось. «Ладно, а что потом? Предположим, что потратим мы какие-то сбережения, продадим оставшиеся пару-тройку украшений на пропитание. А потом что?»

Раздумья унесли Семендера в дальние дали. Самое ужасное было то, что в конце пути – в конце раздумий не было видно света. Он чувствовал себя разбитым кораблем со сломанным штурвалом, потерявшим компас в чреве океана. Судьба его больше не была в его руках. Надежда была на попутный ветер. Он мог унести его в тысяче направлений, но лишь одно из этих направлений вело на берег. Подует ли попутный ветер в том направлении?..

Во время сооружения временного приюта для беженцев кто-то заметил надгробие Гурбата. «А это кто сюда привез?»

– Эй, народ, чье это надгробие?.. Да упокоится с миром! Я себе пристанище строю. Может, хозяин найдется...

Семендер направился к нему.

– Мое это, я заберу.

– Давай и я помогу, положим, куда скажешь.

Вместе они отнесли надгробие подальше от попираемых мест, а через два дня отнесли «домой» – в пристанище, в котором ютились.

Странно, но они нашли в этом какое-то утешение. Ведь сын был с ними, рядом...

После того, как ситуация немного разрядилась, беженцы со двора военного госпиталя на всякий случай были эвакуированы в палаточный городок в Имишли. Соседи собрались быстро. Благо, ничего из пожитков таскать не нужно. Велели портному переезжать – он воткнул иголку в ворот. Так же и они – взяли узел с пожитками и в путь-дорогу. Когда дело дошло до семьи Семендера, и водитель, и организаторы переезда растерялись. Загрузить надгробие в машину – не такая уж большая проблема, несколько человек сообща загрузили бы. Но кто поручится за то, что по дороге оно не упадет и не покалечит пассажиров? Как говорится, обжегшись на молоке, и на воду дуешь. Неприятности с надгробием уже отразились на этой семье своими трагическими последствиями: бригада прибывших из Баку врачей ампутировала ногу Минаре, а Джамалу отняли средний и безымянный пальцы. Шрамы оставили на лице Минавар ужасные следы. Казалось, лицо девушки было обсыпано крупой. Соседи тоже опасались – никто не говорил: «Не грузите это надгробие в машину, в которой мы поедем», но ощущались недовольство, беспокойство и страх людей.

– Аксакал, что будем делать? Вы едете?

Это был уполномоченный исполкома, ответственный за переселение. Смысл вопроса на самом деле был таков: «Если едете, садитесь и вы. Если хотите забрать и надгробие с собой...»

– А можно для нашей семьи организовать отдельную машину? Чтобы мы и надгробие могли...

– На данный момент такой возможности нет. Мы обязаны всех вас срочно переселить. Наверняка вы в курсе, что армяне уже добрались до равнины Харамы, а от туда до Бейлагана рукой подать.

Было решено ехать, поселиться в палаточном городке, осмотреться на новом месте, а затем вернуться через два-три дня и, даст Бог, забрать надгробие.

– Бог даст, ничего не случится.

– Дай Бог и армянским матерям таких бед!

– Как ей бросить надгробие сына черт знает где и ехать? Ты бы смог?

– Бог не простит им этих злодеяний!

«ГАЗ-51» двинулся в путь. В этот раз Гурбат улыбался не только родителям, но и всем остальным односельчанам.

«Езжайте, езжайте. Кому я теперь нужен? Ладно бы чужие люди, похоже, родные мать с отцом – и те устали от меня. Всем место нашлось, кроме меня. Я всего лишь камень. И название жуткое: надгробный камень».

В палаточных пристанищах в Имишли были относительно нормальные условия. Они вполне годились если не для постоянного жилья, то, по крайней мере, в качестве временного убежища. Поблизости была большая роща, лес, как его называли местные. Настоящие леса остались в тех горах – леса, которым конца-края не было, целое войско могло затеряться в этих дремучих чащах. Что же поделывать? Нужно было как-то обходиться. Воспользовавшись поваленными и сломанными деревьями в качестве дров, можно было как-то пережить эту зиму. Это были пока первые планы, пришедшие на ум. Теперь же главной задачей было навести порядок и привезти надгробие Гурбата.

При помощи постельного белья они разделили внутреннюю часть палатки на три части. В одной части спали сами, в другой – девочки и Джамал. Надгробие собирались поставить в той части, где спали сами. Наутро Семендер собирался съездить в госпиталь с одним из старых кунаков из села Шахвердили и привезти надгробие. Сейчас же он, прислонившись к дереву и перебирая в руках четки, погрузился в глубокие раздумья.

А ведь говорят «Общую беду принимай как праздник». Пропади он пропадом такой праздник! Лишились родины и кровя, двое кровиночек искалечились, все нажитое честным трудом пропало! Где я буду работать? Как будем жить? Неужели наше государство настолько слабое, что мы не смогли противостоять армянам? Или мы стали жертвами чиновничьей грызни? Значит, я должен быть изгнан из своего дома, чтобы в Армении или Азербайджане кто-то пришел к власти? С чего бы это?! В чем моя вина?! В чем наша вина?!

Односельчане были в таком же положении. И их имущество, нажитое честным трудом, накопленное годами по крупинкам, – все осталось врагу. Были среди них люди, во много раз состоятельнее Семендера. Беда не обошла никого. Все понесли потери. Разница была в том, что в суматохе того страшного дня пострадали его дети. Минара пережила страшные дни – гангрена поразила кость так сильно, что бедняжке пришлось ампутировать ногу, а Джамалу – два пальца. Мало было горя, а тут еще и дети остались калеками!

Ноги Семендера замерзли. Задумавшись, он машинально так сильно бился спиной о ствол дерева, что все ребра исцарапал. Вечером, когда он разделся, чтобы лечь спать, жена поразилась:

– О, Боже, кто это тебя так изуродовал?

Кое-как объяснил ей и отвернулся к стене. Утром рано Семендер должен был отправиться в Бейлаган. Он закрыл глаза, но уснуть не удавалось. Куда он повезет надгробие Гурбата? Могила осталась в Сирике. Надгробие же должно быть установлено на могиле. Не получилось. Так что же ему теперь делать, как быть? Бог даст, когда земли отвоюют, отвезет и по шариату, и по закону установит в положенном месте. Но когда это будет?.. Допустим, через год... Может быть, через два года... Три года?.. А что до тех пор?.. Он медленно повернулся на спину. Нубар быстро сомкнула глаза. Она не спала и знала, что муж тоже не спит. Она знала его как свои пять пальцев, потому и не спала: ждала, что он что-то скажет, поделится какими-то планами. Нубар, как и Семендер, одолевала горькие раздумья о будущем. Что будет с Минарой? Кто женится на девушке с ампутированной ногой? Где будет работать Джамал с искалеченной рукой? Как быть со школой, образованием детей? Как долго Семендер выдержит все это? Да и она сама...

Они все не могли привыкнуть к этой жизни. На равнинах утро открывалось особенному, и ночь опускалась иначе. Не было ни рокота рек, текущих с подножия гор, ни журчания родников, бьющих ключом подле их домов. Измучились они от грохота умывальных, висящих на закопанных в землю шестах и начинающих греметь с самого утра. И без того измученные переживаниями мужчины часто не выдерживали:

– Да наполните же эту проклятую посудину водой!

– Только что ведь набрала... – бормотали женщины под нос.

Там – теперь это слово употреблялось часто – то есть в деревне, в их районе, когда на улице разговаривали двое, никто их не слышал, кроме них самих. Здесь же – в новом месте, куда они переселились, в палаточном городке – беседы словно в доме велись. По ночам вой и крики лис, шакалов и волков охватывали всю округу. Да как же люди живут здесь?! Не страшась, глубокой ночью они шли в уборную в самый конец двора. Ничего себе, и ведь не боится народ, что повстречают волков или шакалов, которые разорвут их в клочья в считанные секунды. Равнинные жители прямо какие-то храбрецы, честное слово! И особенно дети, подростки.

Порой ночами автоматные очереди приводили в трепет не только людей и животных, но и деревья, листья, траву, цветы. Напряжение в воздухе передавалось и людям. Все разговаривали громко, чаще высказывая свое мнение криком. Всех словно подменили. Как будто и говор у всех изменился, люди не так быстро понимали друг друга. Прежние привычки, приветствия, разговоры терялись, забывались. Приветливость, добрососедство сменились неприветливостью, отчуждённостью, замкнутостью, безразличием, хладнокровием, заботой только о себе и о своей семье. Так постепенно родственники, односельчане отчуждались друг от друга, не могли, как раньше, непринужденно ходить друг к другу. «А вдруг у них дома совсем скудно, и им будет стыдно, и мне... Да что ж за времена-то пошли, будь они неладны! Вот ведь дожили».

Прежде родственники, односельчане, жители соседних деревень поддерживали друг друга. Кто-то приносил матрацы, кто-то одеяла, кто-то отдавал свои старые ковры и паласы, другие несли ведра, кастрюли, тарелки и даже вилки, ножи, ложки – словом, никто не скупился, помогали кто чем мог. Даже в чайных ложках была нужда, ибо все оставили свои дома полными, ничего не успели забрать. Все вы бежали на бейлаганскую дорогу, спасая свою жизнь, и успели вынести лишь накопившиеся скудные сбережения. А сбережения эти таяли с каждым днем. Людям постоянно приходилось перемещаться с одного места на другое, как кочевникам. Не было еще ни постоянного жилья, ни постоянной работы. Жители целого края были оторваны от своей родины и превратились в скитальцев. Конца этому не было видно. Все было окутано пеленой неизвестности.

Во всей этой безвестности и неясности одна тревожная мысль завладела разумом Семендера. То были раздумья о том, как перевезти надгробие Гурбата из Бейлагана в их убежище в Имишли. Ни о чем другом он думать не мог. В деревне у него голова разрывалась от размышлений о множестве дел, которые необходимо было сделать на утро. У него в прежние дни бывало столько забот, что даже в самые обычные дни, несмотря на помощь сыновей в уходе за скотом, посевах, поливах и т.п., несмотря на чистоту и порядок в доме и во дворе, благодаря чистоплотности и трудолюбию жены и дочерей, работы не убывало. А здесь не было ничего, чем можно было занять себя и не бездельничать. Сплошные пустота и праздность. Тогда отчего же раскалывается голова? Отчего нет ему покоя?.. Почему он не может спокойно заснуть? Что его гложет? Не надо заботиться ни о сене, ни о чистке хлебов, ни о выводе скота на пастбище... Отчего же тогда так болит голова?

Петухи заголосили, было слышно, как выводят скот. Издалека доносилось та-рахтенье пахотных тракторов «К-700». Занималось очередное утро в череде дней, продолжающейся вот уже тысячи лет. Но ей-богу, не те это крики петухов, не то движение животных, не тот рев машин и моторов, не то наступление утра, кои были в тех горах и родных краях. Хоть убейте меня – все не то...

Здесь, на равнине, словно утро по-иному наступает, заря по-иному занимается. Боже, мы бы не померли, нас убьют эти печали! Мы и здесь у себя на родине, в своей стране, а все никак не можем приспособиться. На каждом шагу чувствуем, что находимся не на своем месте, не в своей тарелке. Многое не совпадает, не стыкуется, даже в обычных вопросах порой не можем договориться с местными. Быть беженцем оказалось поистине адской мукой. Если мы проживаем ад в этом мире, то на том свете нам положен рай. Ибо не может один человек дважды быть брошен в ад. За все наши мучения не лишай нас своей милости, Боже!

С этими мыслями и молитвами Семендер поднялся с кровати. Глаза его горели от бессонницы. Во рту пересохло. Это оттого, что он не мог пить воду из канала. Он никак не смог согреться, потому что не мог спать в чужом месте. Даже воздух, который он вдыхал, и тот не доходил до его легких полностью, казалось, и воздух этот не свой, а краденый. Все это оттого, что он не на своей отчизне.

«О, Аллах, нет у нас убежища, кроме Тебя! Заступись за нас!»

Водитель, как тень, скользнул из-за деревьев и поздоровался.

– Доброе утро, дядя! Поехали?

– Да, сынок, не будем задерживаться.

Во дворе госпиталя и следов прежней толчи не осталось. На улицах Бейлагана также было немногочисленно. В последнее время ходили слухи, что и Бейлаган «сдадут», и они подтверждались тем, что состоятельные и влиятельные люди района опустошили свои дома и переехали в Баку. Многие переехали в город вместе со всей родней. Большинство же населения, уповавшая на могилу пророка Джарджиза, заявили, что не покинут своих домов. Когда Бейлаган бомбили из «Градов», ни один снаряд не попал в гробницу. Как ни старались армяне, так и не добились своих грязных намерений. Позже азербайджанские солдаты значительно отбросили их назад. Но слухи оказали свое влияние – центр района действительно выглядел опустевшим.

Семендер не мог поверить своим глазам, когда приблизился к месту, где они оставили надгробие. Один из пациентов больницы, поставив ведро воды на надгробие, поливал другому, а тот мыл посуду и складывал ее на надгробие. Надгробие было перепачкано мылом и жиром и надтреснуто с краю, с левой стороны. А Гурбат все так же улыбался.

– Ах, вы, нелюди! Вы что творите?!

Они поняли все, когда увидели чуть не плачущего мужчину и медленно приближающуюся к ним машину с открытым багажником. Несомненно, это были хозяева надгробия, приехавшие за ним. Они поспешили извиниться.

– Аксакал, извини, виноваты! Мы сочли надгробие покойного единственной чистой поверхностью и потому вымытую посуду складывали на него. Хорошо, что вы приехали. Лучше вам его увезти.

Надгробие своим опечаленным и унылым видом не желало смотреть на кого-то. Оно было полностью перепачкано в жире и грязи. Под покрытым грязной водой и слякотью камнем его душа разрывалась на части.

«Отец, где же ты был, почему задержался? Детвора ночами нужду на меня справляет. Я тоскую здесь. Заберите меня с собой! Как же быстро я вам надоел...»

Сначала Семендер начисто протер надгробие тряпкой, которую привез с собой, а мывшие посуду с раскаявшимся видом кинулись помогать грузить его в машину. То ли они не осилили тяжелое извояние, то ли спешили поскорее избавиться от камня, напоминавшего им об их неблаговидном поступке, – надгробие вдруг выскользнуло у них из рук и с грохотом свалилось на землю. Треснувшая часть с левой стороны надгробия, как ножом отрезанная, отвалилась.

У Семендера голова закружилась, в глазах потемнело.

– Будь проклята ваша помощь!

– Да что вы за неумехи такие?! – закричал водитель, срывая злость на помогавших. – Дядя, ты в порядке? – поддержал он Семендера под руку, при этом думая: «Не мужик я, если копейку с него возьму».

– Пойдем, сынок. Мои дела изначально не сладились.

Из всех сирикских беженцев наиболее тяжелым было положение семьи Семендера. Конечно, толковать о чьем-то везении было бы нелепо. Куда уж хуже? Быть беженцем у себя на родине – самая страшная участь на свете. Все несли бремя изгнанничества и беженства, и все потеряли свои дома и имущество. Все были вынуждены отстаивать мутные воды канала или арыка и пить, пусть даже с отвращением. У всех заботы, проблемы, «дом», «быт» были одинаковы, одного цвета, из одинаковых палаток. Однако, помимо всех прочих горестей, на душу Семендера тяжким бременем легла трагедия двоих искалеченных детей. Стоны его изнывающего от боли сына Джамала по утрам и вечерам изводили Семендера.

Односельчане с помощью сыновей начали обустривать временное жилье, утолщать изгородь сухими ветками, привезенными из леса Шахвердили, сажать деревья, купили пару-тройку овец, более состоятельные – коров, бычков, и постепенно наладили быт. Тем, у кого было больше подмоги, было немного легче.

Парни стали цепляться за любую работу, которую предлагали на стройках, в конторах дорожного управления и на рынках в Имишли, и приносили немного денег в свои семьи. Некоторые из них, приносившие, скупали в соседних районах коров, телят и овец и стали торговать мясом на сарыханлинском повороте. Многие посадили в своих дворах зелень, помидоры, перец, баклажаны и, торгуя овощами, кое-как перебивались. Были и те, кто 2-3 раза в год собирал урожай с небольшого участка.

Эта сторона жизни на равнине – умеренная погода и плодородная земля низменностей пришлась по душе беженцам. Поскольку они были беженцами, им бесплатно выделяли земельные участки из государственного фонда, и они, засевая их, получали дополнительный доход. Компетентные органы закрывали на это глаза, не придирались. Еще и сверху дали указание не притеснять народ, не причинять им беспокойства, пускай, мол, устраиваются, как могут.

Со временем беженцы кое-как устроились. Более бойкие и расторопные трудились, как могли, и по вечерам возвращались домой с заработком. И государство понемногу помогало, и помощь из-за рубежа начала поступать. Так и жили.

Только в семье Семендера ситуация продолжала оставаться невыносимой.

Прежней веселой, бодрой, жизнерадостной Минары, щебечущей весь день, напевающей мугам во время занятий домашними делами, не было. В старые добрые времена дома она и сама чувствовала, что члены семьи, делая вид, что занимаются своими делами, на самом деле исподтишка слушают ее. И это очень нравилось Минаре. Это означало, что голос ее вовсе не плох, и стоит петь. Поскольку она была самым младшим ребенком семьи, и отношение к ней было особенное. Больше всех в семье потакали ее желаниям. И больше всех ее баловал брат Гурбат.

Теперь же Гурбата нет. И никогда не будет. И больше уж не найдется никого, кто будет исполнять все ее желания, как это делал Гурбат. Судьба нанесла ей самый тяжелый удар, она потеряла ногу. Часто она вспоминала жалобные причитания матери: «О, Аллах, кто же теперь возьмет в жены эту девочку? Какая же тяжкая доля выпала моей девочке, Господи!»

После операции Минара жила в полном молчании и апатии. О предстоящей ампутации ее никто не предупредил. Но врачи знали, что это произойдет. Гангрена продолжала распространяться. О безвыходности положения врачи рассказали ее родителям, и они вынужденно согласились на операцию. Оставалось лишь под каким-нибудь предлогом доставить Минару на операционный стол. Откладывать операцию было равносильно смерти. Но и это было не главной проблемой. Все с ужасом ожидали, как отреагирует Минара на это после операции. Если удастся относительно спокойно, без истерики пройти начальный этап, дальше было бы легче, она постепенно смирилась бы со своей судьбой, успокоилась бы.

Нубар снова и снова мысленно просматривала свой жизненный путь, стараясь вспомнить, где ошиблась, какие грехи она совершила, кого обидела, чьи надежды разрушила, но в голову ничего не приходило. «О, Владыка небес и земли, или убей меня, или сжался над моими детьми! В чем моя вина?! Никто никогда не касался моей руки, кроме Семендера, краем глаза не взглянула я на чужих мужчин, никогда не провоцировала пересуд о себе. За что же мне такие испытания?! Клянусь, что и дети мои и муравья не обидели! Тебе известно, что дети Семендера ни в нашем селе, ни в окрестностях не заслужили дурной славы. Одного Ты забрал у меня, да будет воля Твоя, не роптала я ни дня! Другой, старший сын, полуголодный, измученный на суровых морозах, несет службу в Мурове. Мечтает о возвращении домой, о встрече с Минарой, да командир не разрешает, говорит, принеси столько-то денег. А где они, деньги-то, где их взять? Дом мой сровняли с землей, потух мой очаг... Жила я в своем доме припеваючи, горестей не знала, ни в чем не нуждалась. А сейчас бегаю за курицей, жду, когда она снесет пару яиц, чтобы я пожарила их на «Тексуне», накормила Джамала, чтобы он пошел, встал на дороге в Бахрамтепе, авось, кому его помощь понадобится, может, хоть какие-то гроши подзаработает. Сердце мое разрывается! Приснись мне хотя бы, укажи мне на мои грехи, чтобы я знала хоть, за что наказываешь! Ей-богу, если так пойдет, сердце Семендера не выдержит! После этого я покончу с собой! Дети станут круглыми сиротами и пойдут по миру! Почему Ты ежедневно меня убиваешь и снова воскрешаешь? Почему не смилостивился над нами?..»

Она, всхлипывая, утерла слезы. Встала и вышла во двор, но и там не нашла себе места – Минара могла услышать. Она толкнула «ворота», сооруженные из сухих веток и накрытые зеленым брезентом (чтобы двора не было видно), и вышла на улицу. Окинула взглядом чуждую ей, простирающуюся, пока хватает глаз, равнину. В их краях не было таких широких, просторных равнин, где дерево вдалеке видно, словно на кончике носа, и, тем не менее, идешь-идешь и никак не дойдешь до него.

Что это за чудеса, Господи милостивый, словно какая-то волшебная сила отдаляет от тебя дерево по мере твоего приближения.

«Интересно, как там Салахат? Бедное мое дитя, мерзнет, наверно. Недавно связала и отправила ему свитер, носки, чтобы надевал под формой и согревался, чтобы ноги не мерзли. Так он написал: «Командир заявил, что это запрещено, нельзя, кое-как взял обратно носки, но свитер он не отдал. Сказал, радуйся, что хотя бы носки получил, если руководство прознает, меня самого накажут. Но через несколько дней я увидел этот свитер на нем.

Я отнес им обед из столовой. Они сидели вокруг печки и играли в домино. Командир расстегнул на груди пуговицы, я сразу узнал этот свитер. Он рассердился, мол, почему еду принес я. Я ответил, что дежурю, это моя обязанность».

На этом месте Нубар словно вместе с одеждой бросили в горящий тендир. Женщину бросило в жар от гнева и негодования. Она расстегнула ворот кофты, сняла с себя косынку. «Да разве ж так можно?! Ай, командир, у тебя что, ни матери, ни сестры, ни жены нет, чтобы связали для тебя такой свитер?! Что ж ты позарился на свитер моей кровиночки? Он же, бедняжка, дни напролет несет караул на морозе! Где ж твоя совесть-то?!..»

Побродив так, говоря сама с собой и пытаясь привести в порядок мысли, она вернулась в убежище. Ей было некуда себя девать – здесь было не так много работы, как в деревне. Заботы о приготовлении еды Минара взяла на себя: сидя на своем привычном месте, она чистила картошку и лук и готовила обед. Минавар занималась двором. Джамал же с рассвета до заката, так же, как и его сверстники, простаивал на дороге Имишли-Бахрамтепе возле самодельных, хлипких будок, разглядывая людей и машины. Когда они были голодны, бежали в свои убежища, перекусывали чем бог послал и снова возвращались. Затем, когда продавцы мяса начали жарить и продавать на дорогах шашлыки, они стали помогать им, собирать дрова, и еще из гладких веточек делали маленькие шампуры, которые нравились людям и привлекали покупателей. «Ребята, принесите-ка нам пять-шесть палочек шашлыка!»

Таким образом, подрабатывая кое-как днем, в убежища они возвращались только ночью. Рассказывали домочадцам об увиденном, услышанном. Так друг за другом проходили дни.

Семендер с Нубар поместили надгробие в углу, где спали сами. Они сделали это, чтобы сердца их дочерей и Джамала не обливались кровью каждый день. Но Нубар свет был не мил. Часто слышала она от Семендера странные слова. Вечером, укладываясь спать, он вдруг спрашивал: «Ты укрыла ребенка?»

Сначала она подумала, что он имеет в виду Джамала, и встала, собираясь перейти на другую сторону, где спят дети, как окрик мужа вернул ее назад:

– Куда ты собралась?!

– Взглянуть на Джамала, – оторопела Нубар.

– Дура ты эдакая! Я о Гурбате говорю...

Нубар совсем растерялась. «Он что, с ума сошел?»

– Укрой его чем-нибудь, – продолжал настаивать Семендер стонущим голосом.

Нубар не стала перечить – натянула одно из старых одеял на надгробие и в душе не осудила мужа. Действительно, было очень холодно. Дровяная печь недавно потухла. Днем они не сидели дома, занимались разными делами и потому не топили печь. Да и дрова найти было непросто. Когда сюда нахлынули беженцы, лесник стал еще бдительней, но все равно было видно, что лес поредел, и он никак не мог с этим справиться. Лесник выполнял свои обязанности, но и людям не помирать же от холода...

Обе стороны, стыдясь, следя друг за другом, исподтишка боролись за выживание, ругая и проклиная тяжелые времена и армян. Вечерами, когда все собирались домой, топили старую железную печь, подбрасывали в огонь хворост, сухие корни, с недавних пор и кизяк: одними дровами было не обойтись. Иногда от едкого дыма

слезились глаза, но другого выхода не было – хоть согревались, приходили в себя. На той же печке и обед готовили, и чай заваривали, и жарили маленькие кусочки мяса. Многие так делали. Кипятить воду, чистить картошку, лук, овощи занимало много времени. Так было удобно. Какая разница, если цель – всего лишь утолить голод. Да и на сон грядущий незачем объедаться, слава Богу, и за эту скудную пищу. Не силосные ямы ведь набивают, как в советские времена...

Туманный, влажный воздух равнины пропах шашлыком. Ветер разносил ароматы в соседние деревни, а местные полусерьезно-полушутя подтрунивали над ними при встрече: «Беженцы пируют, шашлыки едят каждый день». У многих из беженцев при этих словах на лицах появлялась ироничная и болезненная улыбка, они тяжело вздыхали и качали головой. Были и те, кто не выдерживал и язвил:

– Чтоб вы так пиروвали!

И все же больше всех ухаживала за надгробием, став напротив него, тихо разговаривала с ним, а чаще всего горько плакала Минара. Когда это общение затягивалось, приготовление обеда ложилось на плечи Минавар. Нубар тоже иногда помогала дочерям. Тоскливые, утомительные, раздражающие дни тянулись невозможно долго. Всем помогала держаться надежда, что Салахат скоро закончит военную службу, вернется домой и будет большой поддержкой и помощью. Семендер, можно сказать, остался один. Если бы Джамалу не ампутировали пальцы, он бы как-то подрабатывал и приносил домой хоть какие-то деньги. А так, все, на что у него хватало сил, это собирать ветки в лесу для шашлычника, помогать ему по мелочам и зарабатывать себе на обед. И ладно – хоть чем-то занят. Иногда, когда проезжие обращались к нему: «Мальчик, принеси-ка пару палочек шашлыка!», он живо хватал шашлык и, завернув его в лаваш, бегом нес клиентам. А клиенты, то ли тронутые его услужливостью и приветливой речью, то ли от жалости при виде его пальцев, давали ему мелочь. За день у него набиралась пара манатов, а иногда и больше. Это уже здорово поддерживало семью, и со временем он становился более приветливым, расторопным и бойким. Крупную буханку хлеба, которую он покупал за пятьдесят копеек по дороге домой, в семье встречали с благодарностью. Нубар, поглаживая голову младшего сына, со слезами радости на глазах, смешанной с печалью, говорила:

– Хвала Всевышнему за тебя! Кормилец мой!

А затем, исподтишка взглянув на исхудавшего в последнее время от раздумий мужа, как бы утешая его, добавляла: «Погодите, вот вернется Салахат, тогда наше положение станет еще лучше. Он тоже построит у дороги будку, откроет небольшую шашлычную. Джамал будет работать с братом, вдвоем они заработают много денег, и мы избавимся от бремени бедности. Помните, как вкусно Салахат готовил шашлык?» Картина в их воображении немного обнадеживала их, и каждый погружался в свои грезы. Из заработанных денег каждый в своих мечтах что-то прикупал для себя и поручал местным торговцам, потихоньку повадившимся в лагерь беженцев, принести всякие мелочи для себя: «Смотри, в следующий раз не забудь!»

Семендер, у которого от блеска детских глаз сердце обливалось кровью, говорил: «Ладно, укладывайтесь-ка спать, утро вечера мудренее», – и первым поднимался со своего места у печки, где сидел, облокотившись, весь вечер.

В центре помещения, которое они называли и кухней, и гостиной, горела дровяная печь. Тепло распространялось во все уголки их жилища.

Салахат, узнав, что сестре ампутировали ногу, а брату пальцы левой руки, чуть из ума не выжил. Сначала не знал, как реагировать на эту ужасную новость – и верил, и нет. Трагедия Минары довела его до мыслей о самоубийстве. «Господи, какая страшная участь! Могло бы и на землю упасть, обязательно надо было на колени

сестры падать?! Как теперь сложится ее судьба? Нет, вряд ли она будет жить, пончик с собой! Хоть бы до моего возвращения ничего не случилось».

Он был старшим ребенком семьи, и как настоящий мужчина, повидал много испытаний в жизни, но и он не мог смириться с трагедией, произошедшей с родными, и все время размышлял над тем, что будет, когда он встретится с сестрой. Как с ней поздороваться? Что сказать ей? Какие слова подобрать для утешения? Представляя состояние отца и матери, он бился головой о стены казармы. Служивцы не спускали глаз с Салахата, боялись беды.

– На тебя вся надежда, вся семья тебя ждет! Выбрось из головы глупости! Знай, что даже Аллах не простит тебя на том свете! Не только же с вашей семьей случилась беда... Всем районом стали беженцами! Ты хотя бы знаешь все о своей семье! А знаешь, что случилось с другими?! Есть люди, которые всей семьей попали в плен к армянам...

Хотя все эти утешения и наставления сослуживцев, напоминающие назидания аксакалов, немного успокоили Салахата, они не могли подавить желания увидеть родных, особенно Минару.

Он знал, что его семья остро нуждается в его помощи. Отец был уже не молод. Бремя забот о семье легло на его плечи, и нести его в одиночку было непросто. А мать ничем не могла ему помочь. На ней, как обычно, лежали заботы о готовке, стирке, уборке... Минара и Джамал искалечены, чем они могут ему помочь?.. Им самим помощь нужна.

Сердце Салахата разрывалось, когда он думал о положении своей семьи. Подобно своей матери Нубар, он также, обратившись лицом к небесам, вопрошал, за какие грехи они так наказаны, за что им такое горе, но небеса неприступно молчали. Возможно, если бы он повидался с семьей, то нашел бы ответы на эти вопросы, немало успокоился, и нашел в себе силы закончить службу.

Нет, нужно сказать командиру! Однако ходили слухи, что армяне готовятся к нападению. Сейчас каждый солдат ценен, порой на постах не хватает солдат, а армянские бородачи пробираются на нашу территорию с неохраняемых постов и собирают сведения. Хорошо владея языком, не отличаясь от местных внешним видом, они спокойно шастают по окрестным селам, то торгуют, то скупают овец, и еще, нагло обманывая наивных продавцов, что закупаются для сослуживцев, за бесценок разбирают шерстяные носки, жакеты и смываются. Потом собирают купленное и, ведя перед собой овец и коз, спокойно, не торопясь, возвращаются на свои позиции. А тем, кто встречается им на пути, отвечают: «Я здесь овец пасу».

В окрестных деревнях большинство мужчин одевались именно так, носили такие бороды и так ходили. За десятилетия жизни бок о бок армяне и азербайджанцы стали очень похожи внешне, походкой и поступками. Представители других народов всегда это особо подчеркивали. В первые годы конфликта приехавшие в регион представители международных организаций, различные эксперты и конфликтологи никак не могли понять, что противоборствующие стороны – два разных народа. Иностранцы, в частности, глядя на добровольцев и военнослужащих, которые говорили в основном по-русски, были в форме советской армии, вооружены советским оружием, пользовались советской военной терминологией, ездили на советской бронетехнике, имели одинаковые бороды, глубоко задумывались.

Так называемые примирительно-следственные представители из бывшего СССР, по-современному – из СНГ, тоже держали нейтральную позицию, были либеральны и явно не признавали очевидного факта – оккупацию азербайджанских земель армянами. Большинство из них, во избежание лишней головной боли, даже не хотели подходить к солдатам в отдаленных местах – тяжелые, мол, времена, всякое может случиться. Оно нам надо? Есть правительство, есть войска, есть министр обороны, есть советские власти, вот пусть они и разбираются.

Когда конфликт только-только разгорался, народ верил, что это так не останется, возможно, не сегодня-завтра азербайджанские войска освободят наши земли. Кто они такие, чтобы долго хозяйничать в наших домах?

Пока еще это были сладкие грезы. Пока еще армяне, помимо гористой части Карабаха, держали под оккупацией и несколько сопредельных районов. Президент России Борис Ельцин и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев вместе со своей свитой прибыли в Гянджу, посетили прифронтовые боевые зоны региона и высказали свое мнение по урегулированию конфликта. Они также встретились с тогдашним президентом Азербайджана. У людей появилась надежда, что вопрос, наконец, скоро решится и наступит мир, как в советское время. Но месяцы шли, а ситуация все ухудшалась.

В такой ситуации было бы ребячеством говорить: «Я хочу повидать родителей, навещать прооперированных сестру и брата, разрешите отлучиться на три дня, увижусь с ними и вернусь». Командир рассердится, растрезвонит просьбу «этого маменькиного сыночка» на весь батальон и сделает его посмешищем. А это было хуже смерти. Кто ж согласится с унижительным клеймом «маменькин сыночек»?

Но ведь очень хочется повидаться с родными. Допустим, что командир и боевые товарищи так подумают. А как же родители? Они подумают, какой же хладнокровный, ненадежный и равнодушный человек их старший сын! И что с того, что он служит? Нынче же не советские времена, когда служить отправляли на далекий Сахалин, во Владивосток, в Читинскую область, и дорога домой занимала 20 дней. Он даже не в Москве или Ленинграде, откуда добираются домой 2-3 дня. Это же вот, рукой подать – по дороге Товуз-Имишли 3-4 часа езды на «Жигулях». Просто приехал бы, повидался, справился о самочувствии и вернулся бы обратно... что тут такого?

На самом деле, так и было, но у военной службы свои законы, нельзя – значит нельзя! Тогда отчего же Азера отпустили домой на целую неделю, да еще и дальше, чем в Имишли – в Сабирабад? Из-за того, что его отец базарком? Он вернулся с целым багажом гостинцев. Правда, большая часть досталась командирам, но ребята тоже наелись влать, давно не ели фруктов и овощей. А он смог бы вернуться, как Азер?..

Возможно, не как Азер, но точно вернулся бы не с пустыми руками...

Нет, все же попрошу командира! Он же тоже азербайджанец, поймет меня. Жизнь – странная штука, никто не знает, что с ним завтра может приключиться. А может, завтра я стану его командиром? Ведь выдвигают выше тех, кто отважнее и мужественнее. Сам главный командир продвигает, выдает звезду. А меня он всегда хвалит, говорит: «Не парень а настоящий тигр! Не ведает страха! Даже смерть к Салахату подступиться не может!» А как же! Нет, все же скажу я ему! Иначе сердце мое не выдержит! Обратно вернусь с гостинцами. Пусть не как Азер... Но что-нибудь да привезу.

Нет, командир не отнесся к нему, как к «маменькиному сыночку», и не остался равнодушным к его переживаниям. Он покачал головой и глубоко вздохнул, особенно когда узнал о сестре. «Если бы пацаном была бы, еще куда ни шло». Глубоко задумался, видимо, взвешивал все за и против, обдумывал слова, которые собирался сказать, как говорится, выяснял социальное положение Салахата: угодит ли или вернется с пустыми руками?..

– Сам понимаешь, ты на службе. Здесь тебе не школа, чтобы отпрашиваться у учителя. Мы на фронте! В любой момент может начаться бой, и выяснится, что тебя нет на месте. Военный трибунал может строжайше наказать тебя как дезертира, меня лишат звания и укунут за решетку, – сказал он и посмотрел он на Салахата испытующим взглядом.

– Бог даст, все будет хорошо, командир, ничего не случится...

– Кто знает, – пожал плечами командир, – все может случиться... Словом, как доберешься, загрузи мне на телефон контуров на 50 манатов, номер мой ты знаешь...

Конечно же, он знал его. Когда солдаты по срочной надобности на пару минут звонили домой, последними их словами были: «Загрузи контуров на 10 манатов на этот номер. Я говорил по телефону командира».

– ... Знаю.

– И вот еще... Из дома ведь будешь ехать, товарищам своим и нам привези го-стинцев... Тебя наверняка без денег назад не отправят.

Салахат в подтверждение кивнул головой.

– Договорились?

– ... договорились...

– Если неожиданно начнется проверка, я тебе разрешения не давал! Я даже не в курсе дела! Ты сам ушел! Если начнут прижимать, расскажешь им ситуацию – при-мут к сведению, отделаешься легким наказанием. Разрешения я тебе дать не могу... Нельзя так. Я не имею права. Но и я мусульманин, и я азербайджанец, и я понимаю тебя. Не из камня мое сердце. Я тоже чей-то сын, чей-то брат... Словом, договори-лись.

– ... Договорились.

– Завтра утром сразу же после подъема отправляйся в путь, послезавтра побудь еще с родными, а на третий день к вечеру будь в части. Если задержишься, тебе не-добровать! Я тебя предупредил! Договорились?

– ... договорились...

По пути из Бахрамтепе в Имишли он прослезился, увидев палаточные приста-ница, выстроившиеся в ряд с левой стороны на сарыханлинском перекрестке. Он видел такие лагеря и проезжая по территории других районов, однако не был так потрясен. Так отчего же сейчас ком подкатил к горлу, а на глаза наворачиваются слезы? Что терзает его сердце? Может, встреча с родителями, и в особенности тра-гедия Минары и Джамала? Может, тяжелое финансовое положение и подорванное здоровье отца его так удручали? Или доля его матери Нубар, переживающей тяже-лые дни?..

Он узнал односельчан сразу же, как только увидел: по их одежде и походке, ставшей немного неуклюжей. Поднимаясь или спускаясь с небольшого холма, они шли той же походкой, а при длительной ходьбе по равнине привычный ритм ходьбы, походка нарушались, и шаги становились хаотичными. Они же не привыкли долго ходить по такой гладкой поверхности и потому сейчас шли, словно подпрыгивая.

Выйдя из автобуса, он узнал, где находится их пристанище, и пошел, ступая по слякоти раскисшей от грязи дороги. Первое, что он увидел, вызвало у него стран-ные, непонятные чувства. На обочине дороги, в небольшой будке, сооруженной из старых шпал и шифера, с надписью «Кафе – Райский уголок», продавались шашлыки. Грузовики и легковые автомобили, следующие из Бахрамтепе в Имишли и из Имишли в Бахрамтепе, останавливались перед кафе – название-то какое придумали – «Рай-ский уголок», и водители, и пассажиры с удовольствием покупали завернутые в лаваш шашлыки. Некоторые же скупали по 3-5 килограммов мяса со свежих туш, ви-сящих в ряд на железных крюках, и продолжали свой путь. В одном-двух местах ки-пели большие самовары, а на досках грубыми, большими буквами было написано «Чай с чабрецом», «Чай с жимолостью».

Пройдя подальше, Салахат увидел нечто, еще более удивительное. Люди, ра-зобрав сиденья, устроили магазин в старом автобусе. Уложили друг на друга строи-тельные камни и соорудили лестницу. Разрезали автогенном и открыли большое окно. Купля-продажа производилась оттуда. На прилавке, на полках были разложены раз-ные жвачки, дешевое печенье, конфеты, мыло, стиральные порошки и всякие

«шмотки». На магазине-автобусе было написано «Супермаркет – Супертовары». Впервые за долгое время Салахат улыбнулся.

Было вырыто два артезианских колодца в противоположных концах палаточного лагеря. От 100-миллиметровой железной трубы в разные направления были протянуты пять 20-миллиметровых резиновых труб и установлены краны, чтобы не выстраивались очереди за водой, и каждому было удобно и близко от жилья. Вокруг кранов было грязно, образовались небольшие лужицы мыльной воды, из которой пили воду снующие под ногами собаки, кошки, куры и скот. Кругом были разбросаны пластиковые бутылки из-под «Колы», «Фанты», «Спрайта», с надписями на английском, арабском, французском, немецком языках, а также жестяные консервные банки. В деревне у них было не так: каждая улица, квартал, двор всегда были чистые и ухоженные. А сейчас в чем дело? Он понял. Несомненно, все увиденное было обусловлено напряженным психологическим состоянием людей, тоской по родине, постигшей их трагедией, бедой, называемой беженством. Люди не могли ни приспособиться к этой ситуации, ни вынести ее. Видимо, таким образом они и высвобождали свои досаду и злость.

Направляясь домой, на утоптанной грунтовой дороге он увидел еще один ПАЗ-670. Его сиденья также были разобраны, в одной его половине был сооружен курятник, а во второй – собачья конура. Автобус был весь дырявый и смахивал на огромный дурашлаг. Салахат снова улыбнулся: летом будет хороший сквознячок.

На старый прицеп и под ним была сложена куча дров, накрытая серым брезентом, – кто-то собрал надежный запас на зиму. Дворы были разделены наспех возведенными изгородями. Воткнув в землю колья из ивовых прутьев и сухих веток и скрепив их ржавой проволокой, построили ограду из тростника, камыша и кустов ежевики: как умели, закрыли проход скоту, собакам и кошкам во двор, чтобы не причинили вреда хозяйству. Скот держали в землянках. Добравшись до дома и немного отдохнув, он узнал, что из-за того, что вода из-под крана идет соленая, для чая и приготовления еды беженцы, как и местные жители, используют араксскую воду: привозят либо сами на телегах, либо покупают у водовозов за 50 копеек, заливают в зацементированные изнутри бочки, чтобы отстоялась. Вскоре и Салахат почувствует разницу между здешней водой и той, которую он пил в своей деревне.

Дети школьного возраста носили футболки, куртки и кофточки с надписями на иностранных языках. Вот это было интересное новшество, которого не было в деревне. Подростки выглядели по-иному: и походка, и речь, и манера поведения были иные. Они, по сравнению со старшим поколением, выглядели более беззаботными, немного веселыми, бойкими и жизнерадостными. Среда, в которой они оказались, похоже, была им интересна. В их речи появились новые слова и выражения. Слова, часто употребляемые ими в деревне: склон, родник, гречишник, чабрец, спуск, овраг, скала и укоренившиеся за последний год в речи слова пост, милиция, ОМОН, БМП, БТР, вертолет, мина, град, пулемет, автомат, снаряд, командир, батальон... более не использовались. Теперь эти слова были вытеснены словами палатка, финские домики, асфальт, кран, тростник, камыш, шпалы, железная дорога, станция, тамариск, соленая вода, аракская вода, комары, мошки, заросли тамариска, заросли солянки и т.д. и т.п.

В первые дни дети спорили о том, гуманитарная помощь какой из оказывавших помощь беженцам организаций «Взгляд на мир» или «Каре» лучше и качественнее, и пытались настойчиво доказывать то, что знали, вернее то, что слышали от своих родителей. Лексика полностью обновилась. В разговорах ребятни было много новых слов и выражений, отличающихся от деревенского наречия. Они даже говор изменили и стали говорить, как местные. Так же протяжно произносили вопросительные частицы речи и глаголы: «Ты идеееешь?»

Салахат столкнулся с невообразимой картиной...

Первым его увидел отец. Вероятно, мужчина вышел пройтись. Это было во второй половине дня. Наверное, он повозился бы во дворе, потом пообедал бы, чем Бог послал, и, как другие, вышел бы к дороге. Это стало нормой для мающихся от безделья людей. Кто подсуетился, соорудил себе какую-никакую будку и наладил заработок, как-то еще перебивался. Остальные же толпились вокруг них и глазели на прохожих и проезжих. С иными порой и здоровались. Они знали наизусть автомобили всех чиновников и состоятельных людей Имишли. Те часто приезжали с полномоченными лицами из Джебраила, навещали их, интересовались их нуждами и помогали, как могли. Так шли недели и месяцы. Вопрос же о возвращении земель затягивался. Минская группа – черепашья группа (как ее называли беженцы) топталась на месте.

Семендер хотел толкнуть ворота, сооруженные из прутьев, и выйти со двора, но они сопротивлялись. Семендер снова попытался, но ворота не поддавались. Из-за частого использования подпорка калитки была сломана и калитка просела. Когда ее толкали, она отклонялась назад и возвращалась обратно; приходилось поднимать вручную. Сын с отцом обнялись прямо через порог:

– Ты приехал, сынок? Опора моя, отслужил уже?

Салахат запнулся от горького кома, подкатившего к горлу:

– Да нет, отец. Я всего год служу. Сейчас нет определенного срока службы. Когда захотят, тогда и отпустят.

Он прекрасно понял отца. Семья очень нуждалась в нем. Он понял это, взглянув на двор. Его отец тоже подготовил запасы для предстоящей зимы. Во дворе было немного дров, небольшая кучка. Стоит разок пойти дождю, все намокнет. Топить печь сырыми дровами было адским мучением. От них по всему дому пойдет горький, удушающий, слезоточивый дым. Если они откроют двери и окна, чтобы рассеять дым, застудят весь дом, тогда какой смысл топить печь?! Ну, а если ради тепла оставить двери и окна закрытыми, придется терпеть удушливый дым. А на сколько их хватит? На сколько дней, вернее, сколько раз?

В землю была закопана черная шпала, к ней прибит умывальник, сбоку висело явно многократно использованное полотенце, под умывальником вырыта яма, а от ямы вел под изгородью к дороге небольшой арык. То есть они соорудили искусственную канализацию для слива грязных вод на улицу. У остальных соседей – то же самое. От крыши дома к электрическому столбу была протянута веревка, на которой сушилось белье. На крышах большинства домиков для беженцев имелись тарелки спутниковых антенн. Перед входом в дом был неаккуратно натянута навес, чтобы можно было оставлять под ним обувь и снег и дождь не мочили их. Из всяких подручных досок и обломков фанеры смастерили подстилку для ног. Понятное дело, это пристанище совсем не было похоже на оставленный ими в деревне дом.

Когда он увидел Минару, радостно ковыляющую к нему с костылями под мышками, у него потемнело перед глазами. Это Минара?! Хорошо зная ситуацию, он все же не вынес увиденного:

– Сестра, родная моя, да что же за участь такая?! Убей меня, Господи, не видеть бы мне всего этого!

Минара, отбросив костыли, приближалась к нему, подпрыгивая на правой ноге. Она улыбалась. Брат приехал! Она знала, что он с трудом получил разрешение. Приехал на пару дней. Она не хотела провести эти дни в слезах и стенаниях, чтобы брат уехал обратно с камнем на сердце. Все ради него...

Салахат побежал к сестре. На полпути Минара, потеряв равновесие, упала ничком на землю. Салахат со слезами на глазах поднял ее на руки и горестно разрыдался. Минавар подошла с другой стороны и обняла его. Джамал прижался к брату. Нубар, несущая воду из артезианского колодца, поставила ведра на землю и полными печали глазами смотрела на своих обездоленных и несчастных детей.

– А где же мама?

– Я здесь, мой родной! Добро пожаловать, душа моя!

Это было стоном, воплем, скрытым протестом людей со сломанными, перекалеченными судьбами. Люди проклинали и поносили орудие злого рока, общего врага – армян. Они стали причиной страданий десятков тысяч людей!

– Проходите в дом, – сказала Нубар.

Так, обнявшись, они вошли в дом.

Он прижал голову Минары к своей груди. От Салахата пахло потом и военной формой. И еще немного костром и сигаретами. Все эти запахи показались ей восхитительными; позже Минара, Минаввар и Джамал часто будут вспоминать эти запахи. Вечерами, когда с дороги дул легкий ветерок Мильской равнины, они восклицали: «О, Аллах, он принес запах Салахата. Хвала Тебе, о, Всевышний!»

Джамал лежал, положив голову на колени Салахата, и гладил пальцы его ног. Намедни Салахат жаловался, что пальцы мерзнут в ботинках.

– Наверное, от долгого стояния на посту, – сказал Семендер киши.

– Да, отец, это так, – подтвердил Салахат. – Это и есть наша основная задача. Разведка – одна группа, боевые отряды – другая, связисты – третья. А наше дело – стоять на посту.

– Что там говорят? Ожидается ли нападение на Армению? Когда мы вернем наши земли?

– Пока об этом нет ни слова, ни слуха, ни приказа, отец. Говорят, ждите, когда будет нужно, отдадим приказ.

– Когда же наконец «будет нужно»? – разозлился Семендер.

– Говорят, наверху лучше знают, отец.

Они еще немного поговорили о том, о сем. Выяснилось, что учителя, бригадиры, многие члены руководящего состава колхоза, в свое время неплохо жившие в деревне, переживают тяжелые времена. Более ловкие и расторопные торгаши прилично подправили свое положение, а остальные не сумели идти в ногу со временем и отстали.

– Ты наверняка знал сына Ахмеда – Хасая?

– Отлично знал! В школьные годы я однажды отдубасил его за воровство!

– Сейчас уже не осилишь! Он вымахал, вдвое больше тебя стал. Богаче всех живет! Будки у дороги принадлежат ему. Деньги сыплются на него со всех сторон! С кем сговорится, скупает у него скотину, забивает и торгует мясом. Открыл шашлычные, привозит с подножия Физулинских гор различные травы и продает цветочные чаи, а имишлинцы к нему рекой стекаются.

Салахат покачал головой:

– Вот ведь дела... Смотри, кто выбился в люди! С каких это пор он бизнесменом заделался?

– Ох, и не говори, сынок... Был бы хоть ты с нами...

Сердце Салахата сжалось сильнее, чем на службе. Тоска выжигала ему душу. Семья находилась в очень бедственном положении. Требовались рабочие, приносящие прибыль руки. Как же ему быть? Не мог остаться, его могли осудить как дезертира и засадить за решетку минимум на десять лет. А это погребло бы под грузом горя и погубило бы и без того утопающую в горе семью. Гурбат погиб, у Минары ампутирована нога, Джамал искалечен. Его арест погасит последний луч надежды для их семьи. Тогда как же быть? Ведь семья была без кормильца. Как же они будут жить?

От горя он прильнул головой к брезенту, закрыл глаза и задумался. Словно виновный в происходящем, он не мог смотреть родителям в глаза от стыда. Так и заснул. Мать и сестры, увидев его спящим, быстро приготовили для него постель. В последний момент он услышал вой скулящих поблизости волков и шакалов. И звук КАМАЗа, словно проезжающего через палатку.

Спросонья он не мог сообразить, где находится. В момент угасания сознания он вспомнил, что это не их деревня, поэтому звуки, которые он слышал, были странными, непонятными, и все выглядело странно. Шум рек, с рокотом текущих по дну глубоких ущелий, журчание родников, эхо гор были очень далеки.

Увидит ли он эти края вновь?..

– Это еще что?!

Командир, нахмурившись, смотрел на Салахата с таким отвращением, будто в картонной коробке были насекомые или какой-то тошнотворный мусор.

– И это всеее?!

Он так протяжно спросил, что у всех засадило сердце. В картонной коробке лежали две бутылки водки, правда, дорогие. Домашние сладкие булочки, два вареных цыпленка, немного конфет и немного фруктов... Что Бог послал... Но командира это не удовлетворило. Недовольство его было очевидным. Кажется, он пожалел, что разрешил ему съездить домой. Не этого он ожидал.

– Постыдился бы хоть! Эй, сержант, отправь этого в наряд!

Раздав несколько булочек окружающим, он вновь обратился к сержанту:

– Живо, живо!

– Куда вы сказали?

– На первый пост!

Солдаты между собой называли то место «Камчаткой». Оно находилось нос к носу с позициями армян, было отдаленным и очень холодным. Если армяне решат напасть, то начнут именно оттуда.

Находящиеся в комнате все понимали. Командир наказал Салахата.

Они молча встали и разбрелись.

Армянский солдат, стоявший, как и он, на карауле на самом возвышении, увидев его, обрадовался, как ребенок, нашедший потерянное, и оскалился. Его смена приходилась в основном на тот же день, что и Салахата.

– Как дома дела? Все ли в порядке?

– Все нормально... – ответил он кратко и неохотно. Чтобы отделаться от собеседника, Салахат уселся за крупным валуном у большой скалы. И армянин не стал продолжать. Он тоже скрылся за скалой. Такие диалоги случались не раз. Карабахские армяне хорошо говорили по-азербайджански, даже диалект не отличался. А приехавшие из Армении, хоть и говорили по-русски кое-как, но не очень стремились к общению. Они всегда были суровыми и хмурыми. Обе стороны, то ли от скуки, то ли убивая тянущееся время, однако не теряя бдительности, часто так болтали. Иногда, при необходимости и спорили, препирались. Кто сильнее, у кого больше оружия, кто победит, если будет большая война...

Армяне бахвалились вовсю, а наши в ответ язвили:

– Вы так разглагольствуете, полагаясь на русских? Настоящий мужик должен кичиться, приложив руку к своей елде, а не к чужой.

Армянский постовой не мог взять в толк, почему Салахат не в духе. Ведь он же недавно вернулся из дома. Держа палец на курке, он задумался. Вспомнив свою семью и близких, он опечалился. Кажется, они были в одинаковом положении. И с их стороны тоже ситуация была не из приятных.

Хотя Салахат не спускал глаз с армянского постового, он тоже услышал тихий свист. Когда свист повторился, тот отполз назад и скрылся.

Салахат насторожился, он вдруг совершенно забыл о холоде. Оба постовых стояли по разные стороны узкой тропинки. Человек с сильной рукой мог ударом посоха с легкостью сбросить в пропасть любого из них. Или при достаточном количестве снарядов один пулеметчик смог бы надолго остановить атакующих на этой тропинке. Автомат тоже сгодился бы. С достаточным количеством патронов и экономно стреляя, он мог бы продержаться достаточно долго. До тех самых пор, пока, услышав шум, не подоспели бы наши. Интересно, в чем там дело? Такого еще никогда не было. Обе стороны были обязаны стоять на посту в назначенных местах.

– Вот тебе раз!..

Вместе с постовым ползли к прежнему месту еще двое. Кажется, они намеревались приблизиться к Салахату. Армянский постовой остался на месте. Двое других продолжали движение вперед – прямо к Салахату. Что происходит?.. Он понял, в чем дело, когда увидел еще двоих, ползущих вниз по склону... Похоже, это нападение... И первой их целью было убить его.

Сначала он выпустил одну петарду в сторону своих. Тотчас же затрещали автоматы. Он прильнул к скале и выставил в щель ствол своего автомата. Армяне не заметили этого. Так как местность была каменистая, они не могли видеть ни ствол автомата, ни место, где спрятался Салахат. Когда автомат Салахата затрещал, армянские солдаты остановились. Несколько пуль скользнули по железным каскам вражеских солдат, напугав их до смерти. Хотя они и зафиксировали направление огня, но не знали точно, откуда летели пули. Большая скала надежно защищала Салахата. Противник о чем-то пошептался по радиации. Немного спустя, двое гранатометчиков ползком подобрались к членам отряда. За ними последовали другие. «Ах, вы, сукины дети!»

Внезапно в воздухе засверкали ответные петарды, это были наши: мы видим, идем!

Салахат опустошил еще одну обойму в направлении армян. Те снова застыли, что-то гневно закричали. Затем пропустили гранатометчиков вперед. Один из них из-за кустов нацелился в тот самый большой кусок скалы. Без сомнения, стреляли либо из-за скалы, либо откуда-то из ее окрестностей. Скалу следовало уничтожить.

Первый снаряд упал далеко за скалу. Все окуталось туманом пыли, земля затряслась. Он не понял, какой из двух гранатометчиков стрелял, ибо, продвигаясь ползком, они защищались от пуль Салахата, прячась за камнями и глыбами, встречающимися им на пути.

Второй удар пришелся прямо по центру большой скалы, она раскололась и отбросила Салахата далеко назад. Что было дальше, он уже не видел...

Вскоре после этого азербайджанские солдаты подоспели и заняли позиции на посту, где стоял Салахат. Двое мужчин вынесли его с поля боя, передали следующим сзади и бросились вперед. Хотя обе стороны несли потери, никто не желал отступить. Метким гранатометным огнем наши солдаты осадили врага. Видя, что прибывают новые силы, они отступили.

– Мы должны взять их пост во что бы то ни стало! – кричал изо всех сил комроты. – Это важная для них высота! Дальше начинается равнина! Все просматривается, как на ладони! Вперед, братцы!

Солдаты, давно ожидавшие такой возможности, бросились вперед. Враг уже не мог устоять. Началась беготня. Никому не было дела до упавших и раненых, все пытались спасти собственную жизнь, мечтая как можно быстрее спастись из этого ада.

Солдаты ликовали. Стратегически важная высота была взята. Они значительно продвинулись на линии соприкосновения. Отныне пытающийся подобраться к нашим позициям противник в любое время суток просматривался бы как на ладони. Командир от радости обнял и расцеловал всех солдат.

– Мои львы! Мои герои! Слава матерям, вырастившим вас! Вы – храбрейшие из воинов! Храни вас Аллах!

– Да хранит Аллах нас всех! – добавил кто-то.

– Конечно, конечно, – подтвердил командир.

По сравнению с армянами, наши потери были не столь многочисленны: двое были убиты, восемь человек ранены, из них несколько человек в тяжелом состоянии. Из армян на поле боя первоначально было замечено четыре трупа. Командир оставил на посту пять человек и дал указания:

– Теперь уже все у вас на виду! Будьте бдительны и смелы!. Вот вам и ночной бинокль! Вечером вместе с ужином отправлю и сигареты. А пока постарайтесь как-нибудь обойтись.

Караульные охотно приняли прибор ночного видения. Он был так же важен, как и оружие. Впредь они, поочередно карауля, смогут держать под контролем всю территорию.

Тела погибших забрали, а раненых, взяв под руки, привели обратно – в казарму. Здесь их ожидали врачи, а также сотрудники военного комиссариата ближайшего района.

Вывести Салахата из комы было сложно и заняло много времени. Надежды на то, что он выздоровеет, было мало. Порой на его лице почти не было признаков жизни. Врачам было поручено любой ценой вернуть его к жизни. Приказ поступил сверху – сделать все, чтобы сохранить жизнь этого храброго бойца. Он стойко сражался в неравном бою. Если бы армяне захватили тот пост, под прицелом оказались бы три района. Жителям трех районов пришлось бы жить в постоянном страхе и тревоге. На повестке дня было награждение Салахата. Только на четвертый день он открыл глаза и рассеянно огляделся по сторонам. Ничего не мог сказать, кажется, никого не узнал. И снова закрыл глаза.

Было темно. Окна палаты были занавешены одеялами. Врачи и медсестры не отходили от него. Сам главврач каждый час приходил навещать его. Ему лично было строго поручено здоровье Салахата. Губы Салахата потрескались. Медсестры снова и снова смачивали вату и протирали ему губы. Только в эти моменты он проявлял признаки жизни – приоткрывал губы и слизывал капли воды. У всех видевших это щемило сердце, но все они были медиками и понимали ситуацию. Все терпеливо ждали, а время, по своему обыкновению, было беспощадно.

Очнулся он только к полуночи. Сказал одно слово:

– Воды...

Кто-то открыл крышку железной фляги и подошел к нему. Врач поднял руку и строго сказал:

– Ни в коем случае! Всякий раз, когда он будет просить воды, смачивайте ватку в воде и протирайте ему губы.

Затем, обратившись к присутствующим, добавил:

– Беда миновала, он сильно контужен.

Все облегченно вздохнули. Будет жить! Бог смилостивился. Хвала Всевышнему!

Салахата наградили медалью «За отвагу», демобилизовали и отправили домой. Былого здоровья не было – голова и уши были полны шума. Все, что он помнил, – это взрыв, отбросивший его назад, и удар о землю. Он не мог долго стоять на ногах: то ложился, то садился.

Семья, с нетерпением ждавшая его возвращения, неустанно восхваляла Всевышнего: «Слава Богу, вернулся живой-невредимый, нам и этого достаточно». О чем еще можно было мечтать?.. Салахат тоже мог бы открыть будку, готовить шашлыки и продавать их прохожим. «Чем наша семья хуже? Мы же не безрукие... Кто-то, может, и ловчее нас, но и мы не промах. Однако... Как долго еще Ты будешь испытывать нас, Боже! Знать бы только...». Нубар устремила взор в бескрайнее небо. Не получив ответа, опечалилась. Раньше хотя бы находила утешение в сладких грезках...

«Все необходимое мы дома подготовим: нарубим мясо, почистим зелень, напечем лаваша. Как говорят имишлинцы, наберем талашек для мангала, а Джамал будет на подхвате, и дела постепенно войдут в колею. Помогите нам, Боже!»

Дни, похожие друг на друга, проходили, не оставляя следов в памяти. Запоминались только начало и конец месяца: когда получали деньги – помощь беженцам и расплачивались с долгами, когда их имена вычеркивались из тетради должников в магазине. Так облегченно вздыхали, словно через 3-4 дня их имена снова не будут в этой тетради...

В их сердцах постепенно угасала надежда вернуться в родные края. Они видели свои дома только во сне. О, Аллах! Как же недостижимы были их дома и дворы! Иногда снова возникала надежда – услышав хорошие новости, они сразу же делились ими друг с другом. Такие дни были праздником для них. Все сразу же начинали строить планы, члены семьи взахлеб обсуждали, с чего начнут, какими делами займутся по возвращении домой: интересно, не повысыхали ли наши колодцы? Бьет ли родник в центре села? Уцелел ли родник на окраине села? Не срубили ли те огромные два платана?

Беспокойство семьи Семендера о Салахате закончилось. Открытым оставался только вопрос заработка.

Оказалось, что «поставить будку» на обочине дороги, зарабатывать и собрать клиентов легко только на словах. Добиться успеха, конкурируя с Хасаем, было весьма непросто. Он был чуть ли не полноправным хозяином здешних мест – все прибрал к рукам. Каждый второй спрашивал: «Где Хасай муаллим?» А тот, услышав почтительное «муаллим», таял и, гордо ступая, здоровался и обнимался с искавшим его. Работники его набрались опыта и знали всех. Все были расторопные и шустрые. В считанные дни были способны обанкротить конкурентов. Как скоро семья Салахата могла набрать клиентов и выдержать конкуренцию с ними? Да и еще чертовы деньги... Их не было... Главным было найти деньги... Не оставалось иного пути, кроме как отправиться в центр Имишли и цепляться за любую работу на рынке и в оптовых магазинах.

Наступило еще одно осеннее утро. Деревья надели свои красно-желтые наряды, земля покрылась осенним ковром. На фоне зелени сосен раскинулась завораживающая панорама. Даже на равнинах – низменностях с жарким климатом было на что посмотреть! Весной и летом поля пестрели различными цветами. Хвала Всевышнему, создавшему эту неописуемую красоту!

Между тем осень здесь была не такой холодной, как в горах. После жаркого лета эта прохлада была истинным наслаждением. Салахат присел на небольшой холмик у главной дороги и стал наблюдать за прохожими. Прохожие кто мимоходом, кто взглядом, кто кивком здоровались с ним. Иные расспрашивали: «Как ты?», «Как дела?» и т.п.

Очередной прохожий привлек его внимание ароматом парфюма. «Это еще что за франт?»

Поглядев ему вслед, узнал – по походке!

Дааа... Вымахал, раздался в плечах, шагал, пренебрежительно размахивал руками, а перстень на его пальце с крупным камнем увидел бы даже слепой. Тем, кто вежливо здоровался с ним, он отвечал легким кивком. Уж очень горделиво он шагал, словно весь мир оставив под ногами. Салахат вспомнил слова отца: сейчас его не узнать!

«Нет правды на свете! Не тот ли это Хасай?»

Ну неееет! Не мог он это вытерпеть. «Негодяй! Даже в армию не пошел. Интересно, как откосил? Вы поглядите на его зазнайство!»

Он громко свистнул.

– Эй, ты, сын Ахмеда, ты что, до такой степени зажрался, что земли под ногами не чувствуешь? Ты и поздороваться забыл!

Хасай остановился и степенно обернулся назад. Оглядел Салахата с головы до ног так, словно впервые видел его. И той же высокомерной походкой подошел к нему.

Золотая цепочка на его шее тяжело покачивалась. Одет, как бек. Он гневно стиснул золотые зубы и, дойдя до Салахата, сразу же врезал тяжелым кулаком ему по уху. От неожиданности Салахат откатился на несколько метров и уткнулся в пепел давно потухшего очага. Лицо его испачкалось гарью и пеплом. Он попытался открыть глаза, но ничего не увидел. Рот был полон пепла. Перед глазами стояла темная пелена.

Очнулся он от пинков в грудь, живот и голову. Он не мог защищаться от ударов. Хотел схватить Хасая за ногу и свалить его, но не смог. Ноги Хасая были тяжелые, как бревна. Сил не хватало. Кое-как он прикрыл голову и лицо от ударов. Хасай топтал Салахата, как бешеный бык. Последнее, что он помнил, были голоса людей, сбегавшихся на шум и ласково просивших Хасая успокоиться и отпустить его. Хасай как бы с одолжением рывкнул:

– Пусть вас благодарит! Если он не помер, объясните ему, что в следующий раз увижу, в землю его втопчу.

Избиение Салахата переположило весь палаточный городок. Народ разделился на два лагеря: наряду с защищающими Салахата были и осуждающие:

– Нехорошо ведь. Хасай – уважаемый человек. Что значит «зажрался»? Он ведь поддерживает людей в горе и в радости, как может. Дружит со всеми высокопоставленными лицами Имишли. Любая его просьба беспрекословно выполняется. Уважаем во всем районе. Разве можно окликать такого человека свистом? Он что, собака или еще какое-то животное?.. Да мне и самому неловко так говорить. Мы и так забытые Богом люди. Так еще и грыземся друг с другом?

Семья Салахата была потрясена инцидентом. Вечером Семендер подождал Хасая и сказал:

– Чтобы у тебя руки отвалились! Мой сын был контужен на фронте, тяжело ранен, совсем ослаб, поэтому твоих силенок хватило?! Отчего же ты в школе так не хорохорился?! Что ж, Бог тебе судья!

– Вали отсюда, мужик, иначе я и тебя разукрашу, как сыночка твоего! Не наглейте, знайте свое место!

– Бесчестными путями зарабатываешь деньги, думаешь, далеко уедешь на этом?! Все это гнойной кровью отхаркаешь!

– Вот тогда и насладишься! А сейчас вали отсюда, пока я руки о тебя не замарал!

Хасай откровенно бросал вызов. Явно было видно, что он упивается властью. Никто из семенящих подле него людей не поддержал аксакала Семендера. В деревне по одному его слову пятьдесят человек взялись бы за оружие. А кто сейчас Семендер?... Ни власти, ни положения, ни денег. Самая несчастная семья. Они были полностью сломаны. Пара человек кивком ему указали, мол, иди с Богом, не видишь, что ли, человек зол и жаждет крови.

Это равнодушие соотечественников потрясло Семендера. «Эх, несправедливый мир... До чего же мы дожили! Если у Хасая есть немного денег, значит, его правда возьмет?! А где же ваша совесть?! Мы Родину потеряли, а где же ваша человечность?! И ее растеряли?!» Ближе к вечеру Семендер усталый вернулся домой и прошептал Нубар:

– Жена, собирайся. Мы едем в Баку. Больше нам здесь нечего делать. Они унизили нашего сына. Мы не в силах тягаться с Хасаем и его шайкой.

Нубар, прислонившись к стене, сплетенной из тростника и камыша и покрытой толстым слоем глины, всхлипывая и хлопоча вокруг сына, стонущего от боли, успокаивая его ласковыми словами «джан», «пусть все твои боли перейдут ко мне», проклинала весь мир, времена и все на свете. Она всем своим существом чувствовала стыд, незащищенность и беспомощность. Длительное пребывание в Бейлагане в связи с операцией Минары разлучило их с родней. И что с того, что Хасай похож на бугая? Если бы Салахата не контузило, если бы он так не ослаб, Хасай ни за что не устоял бы перед ним. Всю жизнь тряпкой был, а сейчас человеком заделался.

Сельчане, имевшие в прежние времена деньги, уважение и положение, сейчас и слова не смели вымолвить перед Хасаем, жалко подлизывались да лебезили: «Да-да! Как скажете! Вы правы, все верно!» Никто не защищал их семью, даже здоровяющихся с ними стало меньше. Многие, чтобы не здороваться, меняли направление, избегая встреч с ними. Хасай был покровителем всего села, все, кому позарез нужны были деньги, бежали одалживаться к нему. Только семья Семендера не занимала у него денег.

Девочки совсем зачахли. Со двора не выходили... И теперь еще больше тосковали по Гурбату, мечтая, чтобы он ожил и вернулся, «чтобы отплатить этому гадкому сукину сыну»...

Они не могли больше оставаться здесь.

Большинство жителей села, да и большинство их родственников перебрались в Баку, точнее, на его окраины. Бакинские приморские санатории, курорты и правительственные здания, недавно отданные в эксплуатацию, были переполнены беженцами. Многие закрывали окна и двери коврами и паласами, забивали их деревянными досками и устраивали себе «жилища». Правительство закрывало на все это глаза, не желая лишний раз травмировать людей.

Нубар прикладывала припарки из горячего теста к переломам и ссадинам Салахата. Каждый раз, когда она делала это, вздыхала горше сына. Девочки тоже помогали матери. Джамал, который и без того каждый день растирал ноги и ступни своего брата, не находя слов утешения, беспомощно спрашивал: «Как ты? Тебе не больно?» И все делали вид, что ничего не понимают. Хотя они не слышали, что говорил отец, но чувствовали, что он нашел выход.

В ту же ночь начали собираться. И снова надгробие Гурбата стало проблемой. Хотя никто не говорил об этом открыто, но в сердце каждого была тревога. Кого же на сей раз искалечит надгробие?..

Никто не решался взглянуть в его сторону...

Минаввар равнодушно и хладнокровно собирала свою одежду в большой узел.

Не было прежней заботы и внимания к надгробию. Они выплакали свое и успокоились. Насмотрелись. Прежние рыдания, причитания сменились равнодушными взглядами. Тем не менее, они все же решили забрать надгробие с собой.

Семендер ночью встретился с водителем, с которым ездил в Бейлаган, и договорился. Было решено отправляться в путь с первыми петухами.

Водитель привез с собой и сына. Они помогли им и первым делом загрузили в машину надгробие. Все, кроме Салахата, стали помогать. Крепко привязали надгробие к правому борту грузовика, обложили его матрацами и одеялами, а на них сложили свои тюки да узелки. Выехали в назначенное время.

Прощаясь с редкими и бледными огоньками городка со слезами на глазах, они выехали с грунтовой дороги на асфальт. Внезапно все заплакали. Салахат страдал больше всех, потому что знал, что этот переезд связан с ним. Как бы там ни было, они уж привыкли к тем местам. Как и все остальные, перебивались кое-как, но жили с надеждой. И вот теперь им снова предстоит привыкать к новому месту. Где же они поселятся?..

Только Семендер знал, куда они едут.

Расспрашивая по пути прохожих, добрались они до местечка в Бинагадинском районе, называемого Джантепе. Они узнали односельчан по их внешнему виду и устройству жилищ, по развешиванию одежды, по манерам, по походке женщин, повязавших шали на поясицы, по речи иговору. Конечно, и те их узнали. Но отчего-то сконфузились, женщины прослезились. И Нубар, и Семендер были уже не те, что раньше...

С первых же слов они почувствовали, что все вокруг в курсе всего, что с ними произошло. Да уж, дурные вести бегут, хорошие плетутся прихрамывая. «Чего только мы не пережили... И всем все известно... Как же мы будем жить с этим грузом? За что Ты забыл нас, Боже?!»

В сердце Нубар снова разговаривала с Богом. Люди, разговаривая с ними, словно смущаясь, виновато отводили глаза. Все повторяли одно и то же: «Как вы? Как ваши дела? Когда вы приехали? Только что приехали? Решили здесь остаться?»

К Салахату проявляли особую заботу, хлопали его по спине, обнимали и целовали без какого-либо повода, прямо, как в поговорке: «И не праздник, не парад, отчего ты мне так рад». «Молодец! Наслышаны мы о твоём героизме!» Так они выражали свое сочувствие.

Семендер схватился за сердце и присел. Нубар бросилась к мужу и поддержала его. Такое с ним было, когда в Бейлагане Минаре ампутировали ногу и когда он услышал об избиении Салахата. Это был третий раз...

Они временно поселились в сарае одного из родственников. За небольшую взятку и с большим одолжением муниципалитет выделил им участок. На небольшие сбережения, с помощью родственников они выкопали основание дома, залили бетоном, заложили фундамент. Возможности хватало пока только на это. Снова нашли палатку и собрались в нее, подключились к ближайшей линии электропередач, подвели трубу к той же железной печи, соорудили газовую плиту, чтобы готовить еду и заваривать чай. С окраин Джантепе собрали всяких досок и деревяшек и построили забор, чтобы прикрыть двор. Здесь жизнь кипела, люди быстро реагировали, подоспевали на помощь, даже не имея особых возможностей, хоть интересовались, мол, «Помощь нужна? Чем я могу помочь?»

– Нет, спасибо, не нужно... – с благодарностью отвечала семья Семендера, польщенная столь теплым отношением. Они держались, как могли. Хотя было очень много нужд... Не счесть...

Семендер киши очень хлопотал. Денно и ночью молил Бога о помощи, чтобы соорудить какую-никакую крышу и собрать жену и детей под нее. Он хорошо знал, что ему осталось жить считанные дни. Похоже, Всевышний именно для этого и не трогал его пока. Семендер весь день метался туда-сюда. Всюду ходил с Джамалом, а Салахата не беспокоил, мол, «Должен в доме оставаться мужчина или нет?» И Салахат не препирался с отцом.

Работы не было и здесь. Здесь тоже собрались предприимчивые люди и организовали мобильную бригаду. Бралась за любую работу. Некоторые отправлялись на рынок чернорабочих, чтобы как-то заработать на жизнь. Когда на горизонте по-

являлся работодатель и желал нанять рабочих, они порой ругались, ссорились друг с другом из-за этого. Борьба за хлеб насущный не ведала ни дружбы, ни родства.

Салахата к таким работам не привлекали. Некогда рослый парень исхудал до невозможности. К тому же люди остерегались, вдруг что случится, потеряет сознание, свалится с ног, мало ли что... поэтому ноша снова легла на плечи Семендера. Всюду попевал сам...

Посреди всех этих метаний и проблем, горя и невзгод внезапно загорелся луч надежды. Один из их дальних родственников работал в банке. Он сообщил Семендеру о возможности получить кредит. «Но... ты же понимаешь...» «Чего же не понять? Все, что ни скажешь, я согласен... Ты организуй это дело, а уж я не оплошаю», – перебил его Семендер.

Так и получилось. Строительство ускорилось. Как только крыша дома была покрыта шифером, они разобрали палатку во дворе и собрались в дом без пола. Из оставшихся деревяшек, собранных в качестве дров на зиму, соорудили «пол». Расстелили сверху матрацы и одеяла и спокойно уснули. Они чувствовали себя, как в раю. Холода еще не настали. В домах без окон и дверей всюду гулял ветер.

Был уже конец сентября, но погода стояла теплая. Здесь также было много нового, к чему они не привыкли. Во-первых, в воздухе постоянно веяло нефтью, к тому же вместе с односельчанами приходилось приспосабливаться к новому говору. Дороги вместо асфальта были покрыты щебнем, который ранил их ноги. Поскольку дома были расположены очень близко друг к другу, даже вполголоса произнесенное слово было слышно дома у соседей. Приходилось общаться порой знаками, намеками. «Выхода нет, придется и к этому привыкать», – Нубар с улыбкой слушала, как бойко перешел на бакинский говор Джамал.

По мере завершения строительства дома Семендер день ото дня худел, слабел и хирел. Создавалось впечатление, что Господь дал ему отсрочку ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы завершить все земные дела.

Он часто говорил Салахату: «Отныне мужчина в доме ты. Присматривай за матерью, сестрами и братом. Похоже, мне скоро уходить... Если вдруг со мной что-то случится... – он избегал слова «умру», зная, что сын страшится этого слова, – и продолжил: «... не теряйся, это закон жизни: кто-то уходит, кто-то приходит. Это бренный мир...»

Однажды вечером, когда детей не было дома, он позвал к себе Нубар и сказал:

– Жена, если я умру раньше, пусть надгробие Гурбата установят на мою могилу. Будут спрашивать-расспрашивать, скажи, что это была последняя воля мужа... Если ты умрешь раньше меня, я установлю надгробие на твою могилу. И всем отвечу сам.

Нубар снова вздрогнула. Он словно угадал ее желания. Она поддержала Семендера:

– А как же иначе. Мы же одно целое... Не будешь же ты метаться туда-сюда и новое надгробие заказывать...

Семендер закрыл глаза и застонал. Его боли усилились. Он знал свою участь. Понимал, что эта болезнь заберет его. Сломленный вид Салахата убивал его заживо. Он не мог этого вынести и сам хотел поскорее умереть и избавиться от этого мучения. Он уже осуществил свою главную мечту: построил дом и собрал семью под крышу. Не оставил их на улице. Теперь мог спокойно уйти.

Двор был чист и аккуратен. Таким же был и их двор в Сирике, где сейчас всюду хозяйничали армяне. Только сейчас они понимали, что когда-то жили в настоящем раю, но не замечали этого. Помня тот дом, и здесь трудились, не покладая рук. По углам двора посадили цветочные кусты, некоторые закопали в небольшие горшки. С водой им повезло, они протянули линию от соседа, а сточные воды сливались в канализацию, поэтому с чистотой и порядком проблем не было.

Построили и небольшую баньку. Поначалу часто купались, хотя одежда и была старой, часто стирали ее и переодевались, потому что с горячей водой проблем не было. Так постепенно наладили быт, но одной помощью от правительства и международных организаций прожить было невозможно. В семье все еще никто не работал, и из-за отсутствия дополнительного заработка они жили впроголодь. И по-прежнему были самой несчастной семьей среди стольких людей...

Нубар никак не могла успокоиться. Она не увидела тела сына и все еще не верила в его смерть. Жила в постоянном ожидании. Однако дни шли, и не происходило ничего, что могло бы обрадовать несчастную мать.

...Утром Нубар вздрогнула, словно от глубокого вздоха. Такого, словно спасали утопающего, а он изо всех сил сделал глубокий вдох и замолк. Она робко посмотрела на мужа. Он спал...

Она встала с постели. Давно рассвело. Дети, как в былые времена, крепко и сладко спали. С тех пор, как они перебрались в Баку, все спали в одной комнате. Пока что это была единственная комната, где кое-как был уложен пол. Надгробие Гурбата было прислонено к стене в их комнате. С улицы доносились привычные звуки: проезжали машины, лаяли собаки, голосили петухи, говорили местные, спешащие на работу...

Нубар набрала чайник, поставила на газ, погремела посудой, шумно открыла и закрыла дверь. Как бы глубоко Семендер ни спал, он бы обязательно крикнул:

– Что случилось, женщина?! Тебя что, черт за ногу дернул?! Не даст поспать с утра пораньше!

Однако на шум даже дети не реагировали. Нубар медленно подошла к мужу. Внимательно прислушалась. «Дышит ли?» Вдруг обратила внимание на лицо. Нет, оно было не таким, как несколько минут назад. Оно пожелтело...

– О, горе мне, горе! Салахат!

Что было дальше, уже не помнила...

Смерть всегда непредсказуема и зловеща. Ее невозможно принять. Даже уход человека, тяжело больного, перенесшего три инфаркта, заживо изглоданного раком, – хотя все знали и были готовы к его кончине, – все равно, как гром среди бела дня. В смерть не хочется верить. Может быть, потому, что уходят навечно? Ведь еще недавно он дышал, разговаривал, что же вдруг закрыл глаза и погрузился в вечную тишину? Что же за несправедливость такая?

Когда дети проснулись и увидели лежащую в обмороке мать и навеки уснувшего отца, не поняли, что произошло. «Кто из них?..» На вопли девочек сбегались соседи. Двор был полон людьми. Все были в недоумении. «Да что опять у них стряслось?» Салахат застыл, словно оцепенел от горя. Парень, не раз столкнувшийся на фронте лицом к лицу со смертью, не знал, что делать. Мулла Эльман, живущий немного поодаль от них, подоспел и немного успокоил людей. Он быстро разрядил обстановку, дал важные указания, отправил одних заняться подготовкой к поминкам, троих заслал копать могилу, велел увести Нубар в другую комнату, а девочек строго осадил, чтобы прекратили вопли и крики. Все его слушались и как акакала, и как муллу, и как двоюродного брата Семендера.

Разрешил все текущие вопросы, связанные с похоронами, покойного увезли хоронить.

Так на территории, называемой Джантепе, в Бинагадинском районе было заложено еще одно кладбище джебраильских беженцев, разбросанных по всему Азербайджану.

В один из четвергов, незадолго до сороковин мужа, Нубар сообщила его завещание молле Эльману. Дома было много родственников и соседей. Аксакал внимательно выслушал ее и сказал:

– Сестра Нубар, покойный сказал это, чтобы унять душевную боль. Согласно шариату, такое недопустимо. У каждого своя доля: и в этом мире, и в ином. До сих пор такого не было, чтобы на могиле отца установили надгробие сына или кого-нибудь другого, – сказал он и обернулся к присутствующим. Все подтвердили его слова кивками. – Раз уж был такой разговор, мы установим надгробие Гурбата рядом с его надгробием. Даст Бог, когда наши земли будут отвоеваны обратно, перевезем останки Семендера и надгробие Гурбата на кладбище наших предков на Родине и захороним, как подобает. Сейчас же то, что ты говоришь, невозможно, это грех.

Благодарное объяснение моллы Эльмана всех убедило. Поступили так, как было сказано. Люди собрали деньги и установили надгробие Семендеру, а рядом с ним поставили надгробие его сына, которое долгое время колесило вместе с ними из Сирика в Джебраил, а оттуда в Бейлаган, Имишли и Баку. Наконец, они освободились от тяжелого бремени, которое долгое время терзало их души.

Родственники, соседи и односельчане горько плакали над могилой. Разбитая жизнь семьи Семендера, костыли Минары и горькая участь Гурбата всех удручала. И в то же время каждый оплакивал свои раны.

– Народ, пусть Аллах будет доволен вами! Отпустите покойному ваши труды! – завершил молла Эльман церемонию на кладбище.

Люди стали неторопливо расходиться по домам. Нубар и дочери были горько опечалены. «Неужели мы больше не увидим Гурбата?»

Гурбат в виде каменного изваяния стал для них родным. Оно было для них утешением. Таким образом, и оно навсегда покинуло их. Нубар пошатнулась. Девочки, хорошо знающие о состоянии матери в эти тяжелые дни, шли рядом с ней, ни на шаг не отходя от нее. Салахат следовал за ними. Если Нубар упадет, не то, что Минара, даже Минавар не сможет ей помочь. Они сами нуждались в поддержке.

Салахат взял мать под руку. Нубар, собравшись с силами, стала утешать сына:

– Не беспокойся, мой родной, я в порядке.

Люди, разговаривая вполголоса, отдалялись от кладбища. Народу было много, все, кто услышал, пришли. Но и в этом многолюдье стук костылей Минары, выделялся, пронзая слух людей. Как они ни старались не придавать этому значения, удручающее положение девочки всех огорчало. Удивительно, что именно она держалась спокойнее и сдержаннее всех, словно прошедшая множество испытаний мудрая пожилая женщина. Ее сильно поседевшие волосы еще больше усиливали это впечатление. Те, кто знал их семью, печалились столь скорбному положению молодой девушки. Видя, что может сделать с человеком пережитое горе, они благодарили Всевышнего за жизнь, хотя и у самих жизнь была далеко не самая лучшая. Все были сломлены по-своему, у каждого в семье была своя беда. Но все они не шли ни в какое сравнение с трагической судьбой семьи Семендера...

– Уходишь, сестра?..

На следующий шаг у Минары не хватило сил. Костыли словно в землю вросли, как она ни старалась их вытащить, не смогла. Она обернулась и посмотрела на людей. Люди уходили, как ни в чем не бывало. Каждый выполнил свой долг: как мусульманин, поучаствовал на похоронах мусульманина, выполнил свой человеческий долг и возвращался домой.

Неужели никто не услышал?

Улыбающееся лицо Гурбата сейчас было грустным. Он выглядел поникшим и сильно опечаленным.

Минара, у которой перехватило дыхание, была сердита больше на людей. Неужели все оглохли? Не может быть, чтобы никто не услышал...

Люди неспешно, переговариваясь вполголоса, покидали кладбище. Никто не обернулся. Значит, ничего и не слышали.

Минара еще раз обернулась, в последний раз взглянула на надгробие Гурбата, улыбнулась и тихо прошептала:

– До скорой встречи, братик!

Вдруг лицо Минары озарилось светом. Девушка улыбалась, как в те дни, когда Гурбат приносил ей гостинцы. Минавар словно током ударило. Минавар, хорошо знавшая свою сестру, затряслась, как осиновый лист. «Боже, упаси! Что она задумала?..»

Во дворе был накрыт стол для чаепития. Один из соседей приготовил большую сковороду халвы. На столе были расставлены блюдца с дольками лимона. Мулла Эльман прочел во дворе заупокойную молитву «Фатиха» и обратился к людям.

– Послезавтра сороковины. Ждем всех.

Все были заняты приготовлениями к сороковинам. Женщины готовили номинальный обед. Мулла Эльман сидел во главе стола, читал молитвы, «Фатиху», молился за упокой души покойного, говорил о бренности мира, проповедовал людям быть сострадательными, делать добро, помогать ближнему, не заблуждаться в трудные моменты жизни, быть терпеливыми, не отчаиваться и не терять веру во Всевышнего.

Все во дворе были заняты своими делами. Минара взяла большой таз с зеленью и сказала: «Я отнесу, почищу, помою под краном у бани и принесу».

Никто не обратил внимания. Надо же было и ей чем-то помочь родным...

Костыли заскрипели-застонали в последний раз...

Она положила тазик с зеленью под кран и открыла воду. Обернулась и посмотрела назад. Никто не смотрел в ее сторону. Она вошла в баню и заперла за собой дверь. Достала из-под перевернутой чаши приготовленную с вечера веревку и накинула петлю себе на шею. Поставив под ногу небольшую табуретку, встала покрепче. Записку, которую написала прошлой ночью, бросила себе под ноги. Осторожно прислонила костыли к стене. Правой ногой откинула табуретку...

Сыр нарезали и разложили по небольшим тарелкам. Оставалось уложить рядом зелень и расставить на столы, до прихода людей оставалось совсем немного. Кто-то нетерпеливо воскликнул:

– Ну, что там с зеленью?!

– Минара унесла мыть у бани.

– Что же так долго-то?!

У Минавар кольнуло в сердце.

– Минара!.. Минара!..– бросилась она с криком к бане. Не смогла открыть дверь. – Выломайте дверь!

Первым подоспел Салахат и со всей силы обрушился на дверь.

Минара, словно не желая пугать близких, в последний момент улыбнулась.

И потому люди, увидев выражение ее лица, опешили. «Чему она улыбается?..»

Правая нога ее болталась, как маятник часов...

На листке бумаги было написано:

«Не судите строго. Я все взвесила и приняла решение. На самом деле, меня должны были похоронить в один день с Гурбатом. Вы знаете, что жизнь без него потеряла для меня смысл. Я еще больше положенного прожила. Не хотела быть вам

обузой. Простите и прощайте! И я вас прощаю. Не плачьте! Я не могла так жить! Простите! Я и так была мертва».

... Ее похоронили рядом с отцом и братом.

Было начало июня 1993 года...

Беженцы со всей страны стекались в столицу. Богатые семьи, живущие близко к зонам боевых действий, давно перебрались в Баку, а это вызвало отчаяние и панику среди населения среднего и низшего слоев, поэтому и они были готовы бежать. Баку был переполнен беженцами. Улицы города были полны нервных, раздраженных, издерганных людей. Все ругали и правительство, и государство, и руководящих лиц, и всех, кто затеял всю эту заваруху, словом, всех и вся. Чтобы как-то жить, иметь крышу над головой, беженцы заселились в школы, пансионаты, клубы, санатории, дома культуры, неоштукатуренные квартиры недостроенных зданий, без окон и дверей. Наверное, если бы управляющий, хозяин, владелец квартиры, клуба, пансионата пришел и сказал бы, что это все принадлежит мне, по какому праву вы сюда вломились, сейчас же освободите помещение, – ему бы пришлось худо.

Баку кипел, как гигантский котел. В этом котле было все, и все кипело вперемешку. Невозможно было никого утешить, сказать доброе слово. Никто не воспринимал этого. Даже доброе слово воспринималось, как ругань и оскорбление. В ответ на сострадательные слова «Бедные, лишились своих домов, имущества, которое копили годами», беженцы тут же отвечали:

– Это вы бедные-несчастные! А мы что, мы покинули свои дома с боем! Если бы у вас хватило мужества, пришли бы на помощь, и мы общими силами осадили бы врага! Мы домов своих лишились, а вы – важной части своей родины! Нагорного и низменного Карабаха! Так кто же в плачевном состоянии?! Кто бедный-несчастный?!

Баку оказался под невиданным доселе морально-психологическим бременем. Население города в краткие сроки значительно увеличилось. От тяжести ноши Баку, как и Антей, по колено погрузился в землю. Люди были отягощены не только своим физическим весом, но и гневом, ненавистью и злостью, кипящей у них внутри, а когда они толпой входили в какое-либо учреждение, здание содрогалось. Ответить на их вопросы было невозможно. Их успокаивали и призывали к терпению, на что они отвечали резкими словами, руганью и оскорблениями. Чиновники понимали и извиняли такое поведение. Обремененные бедами и проблемами беженцев, они тоже согнулись под этой тяжестью. Никто не мог нести это бремя. Улицы, площади и дворы ходуном ходили от увеличившегося числа людей.

Самый же большой котел кипел на площади «Азадлыг». По вечерам серый, пасмурный, туманный воздух гигантским колпаком накрывал Баку: не только город, но и людей. Город задыхался, захлебывался под ним. Население было в таком же положении... Потому что выхода не было. Но город все еще терпел, выдерживал...

И люди тоже...

Народ искал своего Спасителя...

2013–2019
Баку